

ВИТАЛИЙ
РОМАНОВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ЭЛИТНАЯ КРОВЬ

Виталий Романов

Элитная кровь

«ЭКСМО»

2008

Романов В.

Элитная кровь / В. Романов — «Эксмо», 2008

Случайная автомобильная авария переворачивает жизнь директора небольшой турфирмы Сергея Позднякова. В его кровь попадает уникальный «катализатор», за которым охотятся две враждующие военизированные группировки. Начинается охота и за Сергеем – по всем правилам: стрельба, гон по подъездам и крышам, гибель случайных свидетелей... Однако разработанное в спецлаборатории вещество, циркулирующее теперь по жилам Позднякова, превращает его в выносливого и мощного, страшного в ярости суперсолдата. Кто победит в этой странной игре: охотники или жертва, которой уже нечего терять? Ставки принимаются один к одному...

© Романов В., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

42

Виталий Евгеньевич Романов

Элитная кровь

16 июня 2008 года, перед рассветом,

ПОДМОСКОВЬЕ

Черная «Волга» взревела форсированным движком, резко дернулась с места. Еще секунду назад машина мирно «дремала» на стоянке и вдруг – будто пес, сорвавшийся с цепи, – понеслась к воротам. Охранник в пятнистой форме, случайно оказавшийся на пути черного болида, завопил от боли. Он не успел ни выхватить оружие, ни отскочить в сторону, лишь начал стигать ноги, готовясь прыгнуть вбок. Машина ударила его, сломав позвоночник чуть выше поясицы. Несчастный покотился по земле, раскинул руки, затих.

– Стой! – заорал другой сотрудник службы безопасности, дежуривший у выезда из секретной лаборатории «Ноев ковчег».

Но человек за рулем будто слетел с тормозов. Беглец ничего не хотел слышать, и у него были на то причины. Черная «Волга», набравшая приличную скорость, ударила бампером в металлические ворота, во все стороны брызнули осколки – машина лишилась передка и фар. Створки не выдержали удара полуторатонного «стенобитного орудия» и распахнулись.

– Черт! Черт! – выругался охранник. Схватился за телефонную трубку для внутренней связи, трясущимися пальцами набрал короткий номер. – Ярес! Он ушел! Он!!! Да кто, еханный бабай! Завацкий!!!

...Черная «Волга» с покореженным передком скрылась между деревьями, проскочила участок грунтовой дороги. Когда водитель включил первую передачу, выбираясь на асфальтовое полотно, в двигателе что-то страшно застучало. Завацкий крутанул головой влево-вправо, пытаясь определить: в какую сторону ему нужно?

Влево! Взвизгнув покрышками на асфальте, машина понеслась к выезду на трассу Москва – Санкт-Петербург.

– Не стрелять! Только не стрелять! – топая ногами, орал лысый невысокий человек. Здоровяк потрясал огромными кулаками. – Кто выстрелит *в него*– замочу! Мамоу клянусь – замочу! Машине – только по колесам! Все слышали?! Только по колесам! Не дай бог – в бензобак!!!

– Ярес! – из подлетевшего джипа высунулся помощник главы службы безопасности лаборатории «Ноев ковчег». – Ярес!

Лысый здоровяк запрыгнул на переднее сиденье.

– Пошел! – заорал он, в нетерпении барабаня огромным кулаком по «торпедке». – Пошел! Пошел! Пошел!

«Мицубиши Паджеро» дернулся с места, понесся по лесной грунтовке.

– Куда? – нервно спросил водитель. – Босс! Куда?! Направо? Налеву?

– Направо! – приказал Ярес и схватился за портативную рацию. – Битый! Ты – налево! Делимся пополам!

– Есть!

Машины, преследовавшие «Волгу» с разбитыми фарами, добрались до стыка с асфальтовой трассой. Выбираясь на полотно, одни поворачивали в нужную сторону, другие – в противоположную. Фары на машине беглеца не работали, а задние габариты Завацкий выключил, пытаясь сбить преследователей с толку.

– Только выдержи... – молился человек за рулем «Волги». – Выдержи, милая! Пожалуйста... Мне бы только до людей добраться... До журналистов... До телевидения... До кого-нибудь!

Впереди блеснул указатель на трассу Е95, соединявшую две столицы, и вдруг беглец понял, что на такой машине ему не дадут попасть в Москву. В область сворачивать тоже бесполезно – остановит первый же сотрудник ДПС. Тогда не уйти, точно не уйти. Люди Яреса достанут.

Может, сознательно тормознуть у поста, выложить всю историю – от и до? Но сколько времени необходимо, чтоб поверили и связались с ФСБ, попросили защиты? Не успеть... Плохая идея – умереть на трассе вместе с зажавшимся продавцом полосатых палочек...

Беглец, неожиданно для себя, вывернул руль и вдавил педаль газа. Теперь он несся прочь от Москвы, кусая губы и понимая, что с каждой секундой удаляется от места, в которое так стремился попасть.

Так лучше. Да, лучше. Это даст возможность оторваться от преследователей, сбить их с толку. Ярес и «быки» ждут, что Завацкий рванет в сторону Москвы. А он? Он уйдет в противоположном направлении! Надо выжать из разбитой «Волги» максимум. Потом бросить ее, сменить машину. И уже на ней, не замеченный никем, он вернется в столицу.

Водитель на миг оторвал левую руку от «баранки», нащупал в нагрудном кармане толстую записную книжку. Поморщился – улыбаться он разучился. Машина плохо слушалась, и потому беглец снова вцепился в руль, прикладывая массу усилий, чтоб удержать ее на трассе. Несмотря на повреждения, верхние передачи работали, «Волга» тянула сто десять – сто двадцать, и это было совсем неплохо.

16 июня 2008 года, утро,

ТРАССА МОСКВА – САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Июнь 2008 года выдался жарким. Природа, словно посмотрев на календарь и отметив, что наступило лето, «наколдовала» теплых ветров, которые разогнали вату пропитанных влагой майских облаков. Дожди разом – будто по команде – ушли от Москвы, в глубь России, куда-то в сторону Урала. Проснувшееся, отмытое солнце принялось за дело, едва только ему дали свободу, выпустили из плена серых туч. Температура поднялась до двадцати пяти, и синоптики клялись, что уже через несколько дней станет все тридцать: из Европы спешил антициклон.

Отличная погода! Сергей Поздняков, ехавший за рулем «Mercedes SLK 55 AMG», тут же воспользовался подарком природы – убрал крышу, превратив авто в кабриолет. Свежий воздух отлично прочищал мозги, выдувая из них хмель выходных.

«Наш выбор – стабильность и процветание России!» Глянув на лозунг, промелькнувший справа, Сергей широко улыбнулся. Выборы президента состоялись, все завершилось благополучно для измученной ожиданием страны, но плакаты с неявной агитацией в пользу ставленника «партии власти» кое-где еще оставались. Поздняков отлично понимал, почему владельцы рекламных площадей не торопятся снимать агитки. По логике, если оплаченное время показа закончилось, следовало удалить старые вывески, заменив их на нейтральное «Рекламная площадь сдается в аренду». Но кто ж захочет понапрасну злить медведя, призывая его вылезти из берлоги? Зачем?

На месте владельцев рекламного бизнеса Поздняков поступил бы точно так же: не стал бы снимать политплакаты сразу после выборов. Появится новый клиент, желающий разместить информацию о новом товаре, – тогда по-тихому, стенд за стендом... А пока не появился – пусть висит, радует глаз «партии власти».

Слава богу, в стране, привыкшей к лихим переменам, не произошло какого-то правого или левого реванша. Выборы закончились так, как хотелось бы, наверное, большинству россиян. Смены политического курса не произошло, Владимир Путин аккуратно передал власть достойному преемнику, и все вздохнули с облегчением. Стабильность, еще на четыре, а в перспективе – на восемь лет.

«Стабильность – это мой выбор!» На бешеной скорости мимо Позднякова пролетел еще один политплакат.

– Факт! – усмехнулся Сергей, энергично работая челюстями. – А мой выбор – морозная свежесть!

Будучи директором туристической фирмы «Дорога в эдем», Поздняков возвращался в Москву ранним утром, в понедельник. Он ехал от Александра Рудакова, пригласившего старого друга на праздничный уик-энд по случаю окончания строительства загородной «фазенды». Как водится, «скромная вечеринка», начавшаяся в субботу, затянулась. Вечером в воскресенье Сергей попытался сесть за руль, но понял, что лучше не рисковать. ДПС точно «приласкала» бы безбашенного водителя в таком состоянии, а ставить «Mercedes SLK 55 AMG» на штрафстоянку – слишком дорогая шутка. Даже после удачного завершения нервных предвыборных месяцев.

Последние дни действительно выдались беспокойными – директор турфирмы отлично понимал, что в момент избрания нового президента его собственное благополучие зависит не от количества клиентов, не от успешной работы топ-менеджеров и даже не от расположения налоговиков. Нет! Разыгрывалась другая карта – козырная, которая могла покрыть любую из предложенных прочими заинтересованными сторонами.

На счастье, с выборами все завершилось благополучно. Это была одна из причин, по которой Сергей немного слетел с тормозов, оказавшись в гостях у Сашки Рудакова. Захотелось расслабиться по полной программе. Уверенность в завтрашнем дне, красивая природа, заводные девушки, хорошая еда и отличная выпивка...

К утру понедельника Сергей пришел в себя. Выпивка действительно оказалась хорошей – похмелья не наблюдалось. От завтрака Поздняков отказался – организм не хотел принимать пищу. Засунув в рот «морозную свежесть», Сергей распрощался с приятелем и сел за руль. Его ждала «Дорога в эдем». И Аленка...

«Аленка, – подумал Сергей, и внутри стало тепло, хорошо. – Чертовка... Я соскучился по тебе!»

Девчонка, с которой директор турфирмы познакомился у Рудакова на «фазенде», была неплоха. Черт, как же ее имя? Не вспомнить... Что он там наговорил? Обещал путевку с громадными скидками? Но ведь не отдал бесплатно? Никакого просветления в памяти... Но если отдал – пятьсот баков за одну ночь, пусть и весьма горячую – это он мощно переплатил. Ну черт с ней, пусть едет. Кажется, хватило ума не ляпнуть, что приглашает ее две недели провести у моря? Две недели он бы не выдержал...

«Аленка, чертовка! Что ты делала без меня в выходные? Скучала? Или, воспользовавшись тем, что меня нет рядом, оторвалась по полной программе?»

Вспомнив о секретарше и, по совместительству, любовнице, Поздняков выключил радио. Задумался. Интересно, врала она про беременность или нет? Вот жизнь! Одни проблемы уходят, другие появляются. Какое-то непонятное равновесие... Так соврала или нет?

Для Позднякова не было тайной за семью печатями, что Алена Маркина, сотрудница турфирмы «Дорога в эдем», работавшая у Сергея последние два года, была не прочь удачно выйти замуж. За шефа. Двадцатипятилетняя темноглазая блондинка прекрасно знала, что не является единственной женщиной Позднякова, но не испытывала комплексов по этому поводу.

«У Аленки вообще нет комплексов, – вдруг подумал Сергей. – Может голой пройти по пляжу. Готова заниматься любовью в офисе или ресторане. Да хоть в лифте, если партнеру захочется...»

Сергей с довольной улыбкой вспомнил, какой Алена была в пятницу. Девчонка нарочно – зная, что Поздняков уезжает без нее, – оделась вызывающе. Очень короткая юбка обтягивала узкие бедра, Алька нацепила босоножки на таких шпильках, что было непонятно, как она могла передвигаться. И без того постоянно ходила на восьмисантиметровых каблуках, чем очень гордилась, а тут... Постаралась, чертовка, чтоб завести босса.

Поздняков долго не продержался. Он пытался работать, но бедра, обтянутые тугой красной юбкой, так и маячили перед глазами. Сергей вызвал Алену к себе. Щелкнул замком, и Маркина все поняла, без объяснений. Только улыбнулась победно – он заметил. Радовалась, что партнер уедет на вечеринку пусть и без нее, но раздраженный. Уж что-что, а этого Аленка добиться умела. Если только хотела. В пятницу постаралась – так, чтоб у Сергея не осталось сил на других женщин...

В пятницу он и не смог. А вот в субботу... Сергей довольно улыбнулся, глянул на себя в зеркальце. Модная короткая стрижка – спортивная. Поздняков наклонил голову в одну сторону, в другую. Хорошо сделали! Сзади «на ноль», по бокам – чуть-чуть. Теперь и не скажешь, что ему – тридцать два. Хотя, что тут такого? Для мужчины тридцать два – еще не возраст. Мальчик... «Нет, Алена – супер! Но жениться еще рановато, – Сергей заговорщически подмигнул сероглазому парню в автомобильном зеркальце. Вспомнил случайную партнершу с вечеринки, заводившую его с помощью классного belly dance. – Вон, как незнакомые девчонки „западают“. И по доброй воле отказаться от таких приятных подарков судьбы?!»

Он весело рассмеялся, попытался пригладить волосы, вставшие ежиком от ветра. Прибавил газу и пристроился за «Лексусом», который давил сто тридцать по центральной полосе. Глянул на часы. Нормально. Он успевал в контору к началу рабочего дня. Если только не случится пробок на въезде в город. Пока вроде никаких признаков. А еще говорят: понедельник – день тяжелый. Врут...

В том, что понедельник и в самом деле трудный день, Сергей убедился минут через пять. Серый «Лексус», не сбрасывая скорости, полез на холмик. Поздняков чуть приотстал от лидера. Он знал это место. Дрянное место. Издали горка казалась невысокой, однако на самом деле трасса здесь имела неприятное свойство. Вершина холма была совсем небольшой, выскочив на нее, машины тут же ныряли вниз. В силу того что подъем с двух сторон не казался резким, многие водители «входили» на него на верхних передачах, не сбрасывая скорости. А когда две тачки летят навстречу, и в сумме их скорость почти равна скорости звука... Лишь в последний момент водитель замечает встречный автомобиль, вылетающий из-за горбика. У человека нет даже секунды, чтоб сманеврировать...

Крайние полосы трассы были четко разделены между потоками. А по средней, нейтральной, можно было двигаться и в одну, и в другую сторону. В пятницу преимущество имели те, что направлялись из города в область. В понедельник – наоборот. В принципе, водитель «Лексуса» имел полное право занять средний ряд. Вот только водитель разбитой черной «Волги» игнорировал чужое преимущество...

Понедельник – день тяжелый. Серый автомобиль подлетал к точке перегиба трассы, когда на гребне возникла «Волга» с разбитыми фарами. Этот миг Сергей запомнил очень хорошо – время будто остановилось. Поздняков успел разглядеть в подробностях искореженный переделок, пустые «глазницы» фар. Даже промелькнула мысль: ну вот, опять. Опять проблема.

Время обрушилось на голову Позднякова – страшным грохотом искореженного металла. Удар был чудовищным. Двигатель «Волги» сплющился в гармошку, лобовое стекло разлетелось фонтаном мелкой искрящейся крошки. Что стало с «Лексусом» – Поздняков не успел разглядеть.

Он изо всех сил вдавил педаль тормоза. Завизжали покрышки, наполняя сердце звуком беды. На асфальт хлынул водопад мелких стеклянных осколков. Поздняков хотел прикрыть голову руками: водитель черной «Волги» вылетел из салона, дикой силой инерции его швырнуло через «Лексус». Человек, виновный в аварии, был жив. Когда его ударило об лобовое стекло «Мерседеса» Позднякова, чужая кровь брызнула на лицо.

Этот миг Сергей тоже запомнил – отчетливо, как и момент, предшествовавший аварии. Умиравший водитель, иссеченный осколками, истекавший кровью, упал на «Мерседес», перевесившись через лобовое стекло. Капли чужой крови, от которых Сергей не успел спрятать лицо, попали на кожу, в нос, на зрачки. Поздняков дернулся, невольно открыл рот, заглотнуть воздух – он не мог дышать через забитые ноздри. Попытался закрыться рукой, и в этот момент у умиравшего кровь пошла горлом. Просто хлынула фонтаном – видимо, были разорваны внутренние органы.

Сергей закашлялся, беспомощно размахивая руками, – почувствовал что-то соленое во рту. *Чужую кровь*. Внутренности скрутил спазм, Поздняков перегнулся через боковую дверцу, его стошнило на асфальт остатками вчерашнего праздника.

Вокруг творилось нечто неопишное. Все было залито кровью, маслом, бензином, усыпано битыми стеклами. Тормозили какие-то машины. Из них вылезали люди, бежали из стороны в сторону, размахивали руками. Дергали Сергея за плечо, пытались что-то сказать.

Но тот ничего не слышал. Трясущейся рукой нащупал ручку дверцы, сумел вывалиться наружу, на асфальт.

Кажется, это больно – когда под ладонями осколки стекла. Теперь уже не понять – своя кровь... чужая...

Вокруг метались люди, но Сергей ничего не слышал, не понимал. В нем словно ожило нечто чуждое, страшное. Поздняков, мотая головой – перед глазами пульсировали разноцветные искорки, – на четвереньках дополз до обочины дороги, схватился пальцами за грязную, пыльную траву. Попытался уцепиться за нее, прижаться к земле. Он не понимал, что происходит. Мир деформировался, стал другим. Позднякова вновь стошнило. Он откатился в сторону, перевернулся на спину, часто-часто дыша, и стал смотреть в небо.

Мозг. Мозг бился в черепной коробке – испуганным комочком. Пульсировал, кричал, пытаясь о чем-то предупредить... Сергей не понимал.

...Небо. А говорят – будто неба нет. Дураки... Небо – это дверь. И вот сейчас, когда она открыта... Дураки! Попробуйте сказать, что двери нет. Слепцы! Просто дверь можно видеть лишь тогда, когда она распахнута. Потому вы и говорите, что неба нет, над головой только воздух...

Поздняков попытался защититься ладонью от внимательных, все понимающих глаз, которые пристально смотрели на него через открытый проход. Он не выдержал – чужие огромные зрачки были наполнены страданием и болью. Жесткой энергией, которую Сергей не способен был вынести, принять.

Рука задергалась, забила в придорожной пыли. Обмякла. Сергей Поздняков потерял сознание.

Апрель 2005 года,

за три с небольшим года до аварии.

**МОСКВА, КАБИНЕТ ДЕПУТАТА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РФ Д.А. КОЛОТИЛОВА**

Олег Борисович Вербинский – высокий худошавый мужчина, с седыми волосами и маленькой аккуратной бородкой – тихо вздохнул. Он немного устал ждать реакции хозяина кабинета, но боялся слишком явно продемонстрировать это. Вербинский очень долго присматривался к персоналиям, выбирал надежного партнера. Теперь, когда депутат Госдумы изучал материалы, предоставленные гостем, суетиться не следовало. Олег Борисович указательным пальцем нажал на дужку на переносице – поправил золотые очки, которые чуть сползли к кончику носа. Гость еще раз внимательно оглядел хозяина кабинета, в сотый раз прикидывая: на ту ли лошадь поставил?

«Дмитрий Александрович Колотиллов, 45 лет, – вспомнились строки досье, подготовленного частным детективным агентством. – Неоднократно замечен в „покровительстве“ интересующим его коммерческим структурам...» Теперь Вербинский сидел в кабинете депутата Госдумы и мог составить о Колотиллове более подробное мнение, уже на основе «плотного» личного контакта.

Дмитрий Александрович был грузным голубоглазым мужчиной с большим животом – видимо, не привык ни в чем себе отказывать. Двойной подбородок, обвисшие щеки. У депутата оказалась странная привычка надувать их, а потом выпускать воздух через щелочку в губах – когда Колотиллов беседовал с посетителем и хотел сделать паузу. А еще – неприятное свойство обильно потеть и привычка прихлопывать подошвами ботинок по полу, размышляя над проблемой. Таков политик, на которого он, Вербинский, сделал ставку. Не ошибся ли?

– Ну что ж... – Дмитрий Александрович отложил бумаги в сторону, посмотрел на гостя. – Ну что ж, дорогой Олег Борисович...

И Колотиллов вновь набрал воздух, с шумом принялся выпускать его через узкую щелочку губ. Врач терпеливо ждал.

– Знаете, – наконец сказал депутат. – Тут много написано, и мне – человеку несведущему в данной проблеме – кажется, что все очень серьезно.

– Это действительно очень серьезно, – подтвердил Вербинский и еще раз ткнул себя пальцем в переносицу – поправил очки.

– Да... – политик помедлил и вдруг покраснел. – Понимаете, Олег Борисович... Я действительно ничего не понимаю в этих вопросах. Давайте попробуем разобраться вместе. Вот, например, вы пишете в докладе про генно-модифицированные продукты. Так?

Вербинский кивнул.

– А я плохо понимаю, что сие значит. В последнее время об этом много говорят. Журналисты – те вообще с цепи сорвались. Бывает, такие ужасы насочиняют... Кстати, пострашнее, чем у вас тут, в отчете.

– Я не планировал никого пугать, – кротко улыбнулся Вербинский. – Моя задача: не беллетристической заниматься, а четко отображать ситуацию. Что и было сделано в докладе.

– Хорошо, хорошо! – Колотиллов похлопал ладонью по столу, останавливая собеседника. Взял в руки один лист. – Попытаемся разобраться. Вот тут, Олег Борисович, вы ссылаетесь на...

етесь на доклад Гринпис, приводите список компаний, производящих генно-модифицированные продукты. Смотрите, в перечне присутствуют: «Nestle», «Unilever», «Hershey's», «Coca-Cola», «McDonald's», «Danon», «Cadbury», «Mars», «PepsiCo». И мне становится плохо, честное слово. Вы представляете, какую долю российского рынка занимают эти компании? Видели хоть одного ребенка, который ни разу не ел батончик «Марс» или не пил «Кока-Колу»?

– Все едят, – тут же подтвердил Вербинский. – В крупных городах – все.

– И никто не умирает, – закончил мысль Колотилов. – Тогда в чем проблема, Олег Борисович? Конкретно с этими продуктами?

Вербинский шумно выдохнул, разочарованно глянул на собеседника, понимая: суть доклада «просвистела» мимо сознания депутата.

– Стоп! – Колотилов вновь покраснел, вытер лоб платком. – Давайте сделаем вот что... Давайте начнем, так сказать, от печки. Объясните все подробно, по порядку. Что такое генно-модифицированные продукты, в чем их опасность?

Врач улыбнулся, поерзал в кресле. Депутат ничего не понял, это факт. Но, по крайней мере, он готов был потратить время на то, чтоб разобраться в вопросе. Это хорошо. И Олег Борисович начал «от печки», как если бы перед ним сидели несмышлениши-первокурсники...

– Генетически модифицированные продукты невозможно отличить от обычных ни на вкус, ни на цвет, ни на запах. «Генетически модифицированный», или, по-другому, «трансгенный», продукт – это продукт, полученный из животного или растения, в которые с помощью методов генной инженерии был введен чужеродный ген.

В результате, трансгенные организмы приобретают некие – полезные на первый взгляд – свойства. Например, картофель становится токсичным для насекомых. Чаще всего целью генетической модификации является получение суперустойчивости сельскохозяйственной продукции. Однако такие «генные вмешательства» не всегда оправданны. Знаете анекдот: что получится, если скрестить ежа и ужа? Получится колючая проволока...

Шутки шутками, но ученые скрещивают помидор с... глубоководной акулой. При этом у томата не растут плавники или хвост, он остается привычным для нас овощем, но зато приобретает замечательное свойство: хранится при комнатной температуре около полугода.

В картофель «монтируют» ген бактерии, чей яд смертелен для колорадских жуков, и по этой причине вредители не могут съесть урожай – у насекомых растворяются стенки желудка. Еще пример. Модифицированные соя и кукуруза выживают там, где от пестицидов погибают самые стойкие сорняки. Представляете? Сельскохозяйственные угодья поливают такой «химией», что сорняки на поляхдохнут, а кукуруза остается!

Обычная спелая дыня быстро теряет свои потребительские качества, становится противно мягкой, невкусной. Ее генно-модифицированная сестра способна лежать месяцами, не теряя вкуса. Бананы, побывавшие в руках генетиков, не собирают зелеными. Ведь не секрет, что обычно их снимают недозревшими. Они доспевают в трюмах судов, пока едут в Евразию. Здесь все по-другому – урожай собирают спелым. Кроме того, модифицированные бананы не темнеют, даже если с них снять кожуру.

Естественные оригиналы проигрывают растениям-мутантам и по способности противостоять низким температурам, повышенной влажности, засухе, и по способности сопротивляться болезням, вредителям. И, конечно же, модифицированные растения дают гораздо больший урожай.

Нетрудно понять, что набор таких качеств чрезвычайно выгоден компаниям, производящим продовольствие. Именно потому в настоящее время происходит очень быстрое распространение генно-модифицированных продуктов.

– Помидор с генами рыбы, – усмехнулся Колотилов. – Забавно... Олег Борисович, дорогой, а в чем же тут опасность? Такие помидоры не покрыты чешуей, их чистить не надо. А в

остальном... Ну, например, съел бы я рыбу, а потом закусил помидором. Так ли это страшно, если принял «на душу» и то, и другое вместе?

– Вы не понимаете! – заволновался Вербинский. – У каждого растения или животного есть свое оригинальное биополе. Такой невидимый «ореол» в пространстве. Изменяя гены, мы деформируем, искажаем энергетику, и последствия могут быть необратимы!

– Ну... – Колотиллов поерзал в кресле. – Энергетика... Биополя... Красивые сказочки! Все это нематериально, недоказуемо. Факты какие?

– Да! – Вербинский и сам понял, что сгоряча, увлекшись, зашел не с той стороны. – Факты? Например, Китай бойкотирует ГМ-продукты. В Европе уже ввели ограничения на ввоз. Это факты! Исследования показывают: генно-модифицированная еда влияет на развитие раковых заболеваний, меняются некоторые формы аллергических реакций. И, главное, выработка половых гормонов. То есть регулярное употребление таких продуктов может привести к бесплодию или импотенции.

– Доказано точно? – перебил Колотиллов. – Есть сертификаты и документы? С печатями?

– Нет, но... – Вербинский смешался. – Дмитрий Александрович, понимаете, беда в том, что эффект воздействия компонентов, содержащихся в генетически модифицированных продуктах, невозможно просчитать и проверить. Ведь в процессе переноса генов от объекта к объекту «забирается» не один ген, а несколько. И в дальнейшем, при их взаимодействии могут образоваться новые, непредсказуемые комбинации. По-настоящему человечество сможет оценить последствия «генной революции» только через полвека, когда появятся на свет первое и второе поколения, рожденные от людей, потреблявших трансгенную пищу.

– Полвека, – депутат глянул на собеседника, как на несмышленного ребенка. – Сколько вам лет, Олег Борисович?

– Сорок шесть, – ответил врач.

– А мне – сорок пять, – без улыбки отозвался Колотиллов. – Мы с вами почти ровесники. Думаю, еще пятьдесят не протянем и последствий генной революции, которой вы так пугаете, уже не увидим.

– Да, – мрачно согласился Вербинский. – Столько не протянем. Но последствия, быть может, увидим. У крыс, которые жрали генно-модифицированную картошку, в организме произошли необратимые изменения. Если мы с вами, Дмитрий Александрович, будем есть ГМ-продукты ежедневно, то раковые опухоли могут появиться значительно раньше, чем через пятьдесят лет. И мы рискуем не прожить даже четверти века.

– Так, хорошо, – примирительно сказал депутат. – «Рыбы» помидоры; картошка, самостоятельно убивающая колорадского жука; кукуруза и соя, устойчивые к пестицидам... Значит, об этом говорят журналисты, заламывая руки и угрожая полным вырождением нации. Олег Борисович, давайте еще про иммунодефицит поподробнее.

– Что именно? – врач поправил очки.

– Ну... – Колотиллов с шумом выпустил воздух, махнул ладонями. – Ну... в общем, в принципе. Что это такое, откуда возникает? Признаться, я, когда читал, некоторые вещи не смог уловить, по причине неосведомленности.

– Тогда сначала необходимо поговорить про вирусы, – секунду помедлив, сказал Вербинский. – Очень кратко, два слова, без этого никак... Вирусы – простейшая форма жизни. Некоторые ученые полагают, что называть вирусы живыми – неправильно. Однако есть бесспорное доказательство принадлежности вирусов к живой природе – это *способность размножаться*.

Вирусы делятся на две большие группы. Первая – существа, способные размножаться самостоятельно, так как они обладают генетической памятью в виде ДНК – дезоксирибонуклеиновой кислоты. Такие вирусы просто находят во внешней среде источник нужного материала, используют его для «строительства». «Подсобный материал» преобразуют в новые вирусы. Этот материал обычно находят в клетках человека, разрушая их.

Другой вариант – вирусы, которые не могут размножаться самостоятельно. Их генетическая информация существует лишь в форме РНК – рибонуклеиновой кислоты. Им для размножения требуется чья-то ДНК, в которую вирус «внедряет» свою генную информацию.

Все вирусы – агрессоры. Соответственно, наш организм – «крепость», которую они атакуют.

Иммунная система человека отвечает за три важных процесса: замену отработавших, состарившихся клеток организма; защиту от проникновения разного рода инфекций – вирусов, бактерий, грибов; «ремонт» частей тела, испорченных инфекциями и другими воздействиями. Проще говоря, заживление ран.

Иммунную систему человека можно разделить на четыре крупных блока. Дозорный, клетки которого следят за тем, чтоб в организм не проникло ничего чужеродного. Если такое происходит, клетки дозорного блока стараются уничтожить чужое, а если не получается – подключают второй уровень, блок идентификации и хранения информации. Здесь, условно говоря, размещены «записи» о тех инфекциях, которые известны организму. Если инфекцию не удастся идентифицировать, она исследуется. Собранные данные передаются на третий уровень, в блок поиска и активации уничтожения. Это главный модуль иммунной системы. Его клетки, получив информацию, начинают производить антитела. Антитело, отыскав вирус, прикрепляется к его поверхности и подает сигналы клеткам четвертого блока: чужой найден, находится там-то и там-то. Блок киллеров, ориентируясь на сигналы антител, уничтожает инфекцию.

– Киллеры, кругом киллеры, – тихо пробормотал Колотилов.

– В обычных условиях, – продолжил Вербинский, – когда человек здоров, иммунная система справляется с большинством проникающих в организм инфекций. Однако, если человек ослаблен – а это может быть вызвано целым рядом факторов, например неправильным питанием, переутомлением, длительным стрессом, отрицательным воздействием окружающей среды крупных городов, – способность сопротивляться внешним инфекциям понижается. Внутри организма происходит невидимая, страшная борьба. Вирус повреждает клетки, часть из них умирает. Организм самовосстанавливается, противостоит инфекции как может...

Однако с течением времени количество вирусов в организме медленно растет. Постоянное присутствие чужаков держит иммунную систему в напряжении. Она отбивает атаки, но вирус поражает все новые и новые клетки – пожирает материал. То есть нас. Чем больше становится вирусов, тем больше сил тратит организм на борьбу с инфекцией. Это очень похоже на затяжную позиционную войну, в которой каждая из сторон пытается взять противника измором. Измотать...

У каждого человека есть свои ресурсы, свой потенциал. Он не бесконечен. Проходит какое-то время, организм исчерпывает запас прочности, и начинает развиваться иммунодефицит. Организм утрачивает способность противостоять любым внешним инфекциям. Нет ресурсов для борьбы с ними. Теперь человек беззащитен даже перед теми бактериями и вирусами, которые раньше не могли вызвать заболевания, – иммунная система не позволяла им размножиться в нужном количестве. Например, в легких человека живет бактерия пневмоциста карини – абсолютно бесполезная. В обычных условиях она не причиняет человеку никакого вреда, мы ее просто не замечаем, но в ослабленном организме пневмоциста карини вызывает серьезное поражение легких.

– Понял! – обрадовался Колотилов. – Теперь понял! Вы хотите сказать, что вот это все, – политик указал на листы бумаги, – ГМ-продукты, экология и прочее... уже в ближайшее время приведет к вспышкам страшных болезней на территории России. Так?

– Именно! – врач вновь поправил очки. – Но мы, Дмитрий Александрович, не в состоянии запретить ввоз ГМ-продуктов. И, точно так же, не можем закрыть заводы, которые портят воздух, загрязняют реки. Не можем сократить иммиграцию в страну – работать некому.

– И потому вы предлагаете не пытаться выступить спасителями России, – депутат придвинул к себе листы бумаги. – А намерены сберечь избранных. Создать чудо-человека... Не избавиться от «грязной» еды, а в ответ на появление ГМ-продуктов создать генно-модифицированного Homo sapiens.

– Примерно так, – улыбнулся Вербинский. – Не совсем чудо-человека, не совсем генно-модифицированного. Ничего страшного. Просто сыворотку, некую присадку в кровь. Ну, существуют же, например, лекарства и – независимо от них – пищевые добавки, которые лекарствами не являются. Мы планируем разработать кровяную добавку, вещество, которое повысит устойчивость организма к неблагоприятным воздействиям. Другими словами, на порядок увеличит иммунитет человеческого организма.

– И вас не пугает, – прервал его Колотилов, – что тысячи медицинских центров планеты бьются над «эликсирами молодости», «микстурами оздоровления и очищения организма»? По сути, вы просите деньги на разработку того, на что американцы, например, тратят миллиарды долларов ежегодно.

– Нет! – отрицательно помотал головой Вербинский. – Тысячу раз нет, Дмитрий Александрович! Помните пример, который я только что привел? Так вот, научные институты как раз и производят лекарства! Я же надеюсь изготовить другое. Катализатор для иммунной системы! Зачем лекарства, если они внутри нас?!

Мне не хотелось бы углубляться в подробности научно-технологического процесса. Вам ведь, наверное, знакомы эти исторические факты: во время Второй мировой войны у бойцов резко сократилось количество инфарктов, сердечно-сосудистых заболеваний. Солдаты пили воду из любых водоемов: рек, ручьев, болот, даже луж... И не болели ни холерой, ни дизентерией. Организм, «переключившийся» на другой уровень защиты, подавлял инородные тела! За счет проснувшихся внутренних резервов! Мне не нужны миллиарды долларов...

Он поднялся с места в крайнем волнении. Принялся ходить по кабинету.

– Мое открытие высмеяли на ученом совете, выгнали... Я хочу доказать! Уверен: у нас все получится! Вы не прогадаете! И миллиарды не нужны. Все просто! Надо было идти другой дорогой! Просто увидеть путь, чтобы... Найти... Я сумел...

Он присел на стул, так и не закончив фразу.

– Хорошо! – Колотилов надул щеки, задумался, и на лбу его выступили капли пота. – Хорошо, Олег Борисович... Оставьте, пожалуйста, бумаги. Мне нужно поразмыслить над всем этим. Думаю, пары дней будет достаточно. Вас устраивает встреча ближе к концу недели?

– Конечно! – обрадовался Вербинский, вскочил с места, энергично пожал руку депутата. – Я знал, что вы заинтересуетесь...

– Мне надо подумать, – повторил депутат, задумчиво глядя на дверь, закрывшуюся за посетителем.

За несколько миллионов деревянных пытаться сделать то, что американцы не могут за миллиарды гринов? Бред! С другой стороны, сколько в России было Кулибиных, Ломоносовых, Мичуриных? А если не бред? Отказать? Вербинский пойдет к другому «спонсору»... Если не бред?!

Депутат пододвинул к себе папку, открыл. «Проект „Ноев ковчег“ – значилось над докладом Вербинского. „Название-то какое, – подумал Дмитрий Александрович, вытирая шею платком. – Амбициозно... Взять каждой твари по паре...“

16 июня 2008 года, утро,

ТРАССА МОСКВА – САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

– Вот не повезло мужику, – услышал Поздняков. – Ужас, просто ужас! А если СПИД или гепатит? Эх, жизнь! Никогда не догадаешься, в какой момент тебе поставят подножку...

Казалось, говоривший стоял где-то рядом. Или над ним?

– Анна Михайловна, – послышался другой голос. – Что тут у нас? Помощь требуется?

– Нет, – ответил женский голос. – Никаких повреждений. Просто шок, мужчина потерял сознание.

Сергей открыл глаза. Женщина средних лет в белом халате, поверх которого был надет синий балахон, не глядя на Позднякова, собирала инструменты в чемоданчик. Сергей сотни раз видел врачей «Скорой помощи» с такими же металлическими саквояжами. И вот дожил: теперь он сам – пациент «Скорой».

– Все в порядке? – увидев, что Сергей открыл глаза, обернулась к нему женщина. И не стала дожидаться ответа. – У вас никаких механических повреждений. Повезло, вовремя затормозили. Однако следует навестись в районную поликлинику. И чем быстрее, тем лучше! Сдать анализы, в первую очередь – кровь. Клинику, биохимию, реакцию Вассермана, тест на СПИД.

– Зачем? – с трудом разлепив губы, спросил Поздняков и посмотрел наверх.

Никакой двери на небе, конечно же, не оказалось. Никаких внимательных глаз. Зато вокруг – суетливо и деловито, будто муравьи, – копошились люди.

– Как это зачем?! – искренне удивилась Анна Михайловна. – В ваш организм, голубчик, попала чужая кровь! В школе или еще где-нибудь про СПИД рассказывали?

– Что-то такое было, – Поздняков не смог удержаться – криво усмехнулся, вспомнив, как давно вылез из-за парты.

Наверное, хорошо сохранился, раз докторша вспомнила про школу.

– Между прочим, тут нет ничего смешного! – строго сказала Анна Михайловна. – Голубчик, к вашему сведению: СПИД передается через жидкости, находящиеся в теле человека, но концентрация вируса в них различна. Скажем, необходимое для заражения количество содержится в капле крови, которая умещается на конце швейной иглы. А в слюне – совсем другая концентрация. И такое же – необходимое для заражения – количество вируса содержится в четырех литрах слюны.

– Попал! – грустно выдохнул Поздняков и вздрогнул, вспомнив, как у умиравшего кровь пошла горлом и ее брызги летели в лицо, в глаза... – Попал! Вот дерьмо! По полной программе!

– Ну, голубчик, что ж вы заранее расстраиваетесь, – «утетила» докторша «Скорой». – Во-первых, ВИЧ-инфекция относится к долго текущим заболеваниям. С момента заражения до момента смерти может пройти от двух до пятнадцати лет.

– Спасибо! – нервно усмехнулся Поздняков.

Но докторша не заметила юмора собеседника.

– В первое время вы ничего не почувствуете, – невозмутимо продолжала она. – Возможно, появится состояние, напоминающее острую респираторную инфекцию. Температура, слабость, головные боли, воспаление горла. Иногда у заразившихся наблюдается диарея. Если таковое заметите – обязательно к врачам, сразу же! Надо попытаться остановить развитие инфекции, пока еще есть шансы затормозить болезнь.

– Я учту, – мрачно пробормотал Поздняков.

Это залет, парень!

– Но, возможно, никакого заражения ВИЧ-инфекцией и не произошло, – докторша вдруг поняла, что увлеклась. – Я инструктирую вас на случай худшего варианта. Однако кровь нужно сдать обязательно. Мало ли что может быть. Сифилис, гепатит... сами понимаете.

Сергей вновь нервно усмехнулся. Хоть молись, свечку в церкви ставь – чтоб сифилис, а не гепатит С...

– А почему не взяли кровь у этого, который упал на стекло моей машины? – вдруг резко спросил Сергей. – Почему сразу не сделали анализ?! Мы бы уже знали, чем болен водитель «Волги»!

– Чем *болел* водитель, – поправила Анна Михайловна. – Кровь у трупа мы брать не будем. Зачем? Спасать надо живых. Думаете, нам работы мало? Вы не пострадали, сами можете добраться до поликлиники. Там с вами разберутся, все сделают, как требуется. Возьмут на учет, оставят записи в медицинской карте.

– А вы, значит, умываете руки?

– Клинические, биохимические анализы, а также анализ крови на СПИД и реакцию Васермана выполняются в лабораторных условиях, а не на борту патрульной машины, – раздраженно сказала докторша и направилась к «Скорой помощи».

– Вот жопа, вашу мать! – в сердцах выругался Поздняков, глядя на свои руки.

Грязные от придорожной пыли и чужой крови, засохшей на ладонях.

– Господи! – Сергей поднялся на ноги и огляделся, ища глазами свой «Мерседес».

Оказалось, пока он лежал без сознания, сотрудники дорожно-постовой службы отогнали уцелевшую машину на обочину. Водителя, по вине которого произошла авария, вылетевшего через лобовое стекло «Волги» и упавшего на автомобиль Позднякова, нигде видно не было. Увезли в морг?

Сергей вытер лицо грязным рукавом рубашки. Еще недавно – белой, свежей. Утром распечатал упаковку, не хотел выглядеть бомжом в офисе. И вот тебе... Так повезло или нет? Можно считать себя счастливым? Но какое-то едва уловимое предчувствие нашептывало Сергею, что скоро он пожалеет, что выжил в этой катастрофе...

Сотрудники ДПС, выставив вокруг аварийной зоны оградительные знаки, лениво передвигались с места на место, что-то вымеряя с помощью рулетки и делая записи в протокол. В центре дороги по-прежнему находились «Лексус» и «Волга» – бесформенные, искореженные так, что с первого взгляда становилось понятно: там не мог уцелеть никто. Визжала пила, от нее летели искры – сотрудники МЧС вырезали из салона мертвого водителя «Лексуса».

Поздняков тряхнул головой, зажмурился и вновь открыл глаза. Он чувствовал себя как-то странно. С одной стороны, все произошедшее ввергло его в шок. Известие о том, что в результате чьей-то глупости – не по своей вине – ты словил СПИД или сифилис, могло довести до истерики любого человека. С другой стороны, организм работал нормально. Ничего не болело, не ныло, это даже немного пугало: в такой момент, после экстренного торможения и жуткого фонтана крови изо рта умиравшего, Поздняков ждал чего угодно. Поноса, болей в горле, слабости...

Это залет, парень! Боже, какой идиотский залет!

«Скорая», внутри которой скрылась врачиха, не уезжала. Чего ждала? Обморока у Позднякова? Ага, нужен он им... Ноги Сергея задрожали, он открыл дверцу своей машины и рухнул на сиденье, не понимая, что делать дальше. Куда ехать? Кого просить о помощи? Как спастись?

– Но почему не уезжает «Скорая»? – этот глупый вопрос маячил в мозгу, как назойливая муха.

Водители «Лексуса» и «Волги» – трупы, он, Сергей, – цел. Чего же ждут врачи?

И тут до его ушей донесся вой сирены. По всей видимости, «шоу» еще не закончилось. Взвизгнули тормоза, «Реанимация», подлетевшая к «Скорой», даже не выключила синие мигалки. Из первой красно-белой машины тут же выкатили на тележке какого-то пациента.

– Кровь – вторая группа, резус положительный! – на ходу крикнул мужик в бледно-синем балахоне и такой же шапочке.

«А у меня братя не захотели», – успел со злобой подумать Сергей.

И вдруг все остановились. Санитар, чуть отодвинув покрывало с пострадавшего в аварии, приложил палец к горлу, нащупал сонную артерию. Медленно выпрямился, безнадежно махнул ладонью.

Трое врачей встали кучкой возле носилок.

«Умер, – понял Сергей. – Выходит, в „Лексусе“ было двое. В „Волге“ – точно один, водитель. Это я видел сам. Во встречной машине, значит, и водитель, и пассажир. Водилу выпиливают из салона. А пассажир не дождался реанимобиля...»

Шофер «Реанимации» вылез из салона, присоединился к медикам. Пятой в компанию добавилась Анна Михайловна, проверявшая Позднякова.

– А что я? – водитель реанимобиля развел руки в стороны. – Что я, Анна Михайловна?! Пробка на дороге! Пробка в две стороны! Сами устроили! Эти вот! Потому и опоздали...

Все было просто и привычно, Сергей даже не удивился. «Скорая», патрулировавшая где-то неподалеку, успела пробиться к месту событий, а «Реанимация», которую вызвали позже, застряла в пробке. Что еще раз подтверждает хорошо известный тезис: когда случается беда – на помощь лучше не надеяться.

Врачи поговорили между собой, на этом все и закончилось. Развернувшись, «Реанимация» включила сирену и с таким же воем, с каким продиралась к месту событий, поспешила прочь.

«Пить хочется», – подумал Сергей, облизывая сухие губы. В этот момент про него вспомнили сотрудники ДПС.

– Сержант Анохин! – представился человек в серо-синей форме. – Покажите ваши документы, пожалуйста.

Поздняков молча открыл бардачок, достал техпаспорт, потом вытащил из заднего кармана брюк паспорт и права на машину. Сержант быстро изучил документы, протянул их водителю.

– Благодарю, Сергей Николаевич, – сказал он. – Можете быть свободны, ваших показаний не требуется. Тут все понятно. На всякий случай я перепишу адрес. И еще, дайте номер мобильного телефона. Вдруг у страховых компаний появятся какие-то вопросы по аварии – к нам, к свидетелям... Тогда побеспокоим.

– Да ради бога, – Сергей продиктовал свои адрес и телефон.

Сержант записал данные в книжечку, козырнул и не спеша пошел к месту аварии. Его тоже не интересовал ни водитель «Мерседеса», ни то, как Поздняков будет жить дальше.

– Командир! – окликнул его Сергей. – А что с... этим?

Поздняков мотнул головой, указывая на перепачканное кровью лобовое стекло своей машины. Сотрудник ДПС понял.

– Умер, – ответил Анохин. – Сразу умер. Труповозка давно забрала. Увезли...

И сержант «нырнул» в кучу людей и покоруженного металла, навсегда исчезнув из жизни Сергея Позднякова.

«Вот и все, – подумал тот. – Можешь ехать, парень. Тебе разрешили. Свободен! Твои показания не требуются Системе. А то, что подохнешь из-за чьей-то глупости – это никого не волнует...»

– А чего ты ждал? – со злостью перебил себя Поздняков. – Что все сядут вокруг и начнут тебя утешать? Ай, Сереженька, не плачь?! Ай, как глупо вышло... Тьфу!

Поздняков включил «дворники», обильно брызнул водой на кровавые потеки. Посмотрев на результат, вышел из машины и открыл багажник, вытащил из него большой кусок фланели, принялся вытирать стекло «Мерседеса». Кое-как вытерев разводы, он бросил тряпку в придорожную канаву. Запрыгнул в машину, намереваясь наконец покинуть проклятое место.

Книжечка! Небольшая по формату, темно-синяя записная книжка. Потертая, разлохматившаяся на углах. Толстая. Чужая, не его. Это факт. Она лежала на пассажирском сиденье, поэтому Сергей сразу не заметил ее. Поздняков взял ее в руки, недоуменно посмотрел по сторонам. Чья? И вдруг понял: книжка выпала из кармана водителя «Волги», когда тот ударился о лобовое стекло «Мерседеса».

Выходит, это личные записи человека, по вине которого Поздняков может прожить гораздо меньше лет, нежели было изначально отмерено природой... Сергей замахнулся, намереваясь отправить темно-синюю книжечку в придорожную канаву. Туда же, куда улетела грязная, испачканная кровью тряпка. И вдруг передумал, открыл первую страницу. Почерк неровный, какой-то торопливый. Но читать можно, без особых проблем...

«Здесь хорошо: дышится легко, свободно. Не мешают даже заборы с колючей проволокой – я словно не вижу их. Кормят, будто на убой. Уже забыл, когда так вкусно ел в последний раз. Конечно, это было до приговора, до того, как попал в СИЗО и ГУИН. Господи, как здесь хорошо... Меня никто не бьет. А ведь там, во Владимирском центре, я уже поставил на себе крест. Сдался. Куцый и Чирик сказали: „Ты не проживешь долго, Инженер. Не надейся...“

Если б хотели убить сразу – сделали бы это в первые дни. Проблема в том, что они *не хотели убить сразу*. Куцый предупредил: умирать будешь медленно и страшно. Искушая грехи...

Теперь, вспоминая жуткую режущую боль в отбитых почках, когда мочился кровью... Кажется, это было страшным сном, происходило не со мной. Думал, никогда не смогу держать ручку в раздавленных пальцах. Понемногу восстановились и они, даже начали сгибаться. Я пишу, хотя не очень быстро, требуется прилагать усилия, чтоб удержать стержень.

Оказывается, чтоб быть счастливым – необходимо совсем немного. Просто знать, что не надо бредить в ожидании, когда придут люди Чирика и все начнется заново. Оказывается, это так хорошо, легко. Будто с плеч сняли чудовищный груз... И ты, даже за двойным или тройным забором из колючей проволоки, можешь чувствовать себя свободным человеком...»

Неясное чувство тревоги вдруг заставило Позднякова оторваться от чужого дневника. Сергей очнулся, вспомнив, где находится. Обстановка на дороге изменилась. «Скорая» уехала, сотрудники МЧС тоже завершили работу и теперь сворачивали свои хитрые «приспособы». Они выпилили умершего водителя «Лексуса» из салона лишь для того, чтоб передать...

Сергей удивился. Водителя серой иномарки погрузили в катафалк, это Поздняков успел засечь краем глаза. А вот другого мужчину из «Лексуса» забирали какие-то амбалы с угрюмыми лицами. Их появление на сцене Сергей пропустил, углубившись в чтение дневника. Почему «быкоподобные» перехватили труп у гробовщиков?

Исходя из каких соображений выбрали этого из троих?

Один из амбалов перехватил взгляд Сергея.

– А ты че тут... пялишься? – недобро спросил «бык», вразвалочку подходя к машине Сергея.

– Да я вот... – взмахнул ладонью Поздняков, не зная, как объяснить, что произошло.

И, главное, зачем это делать.

– Пострадал, что ли? – оценив «прикид» директора турфирмы, усмехнулся качок.

– Ну... – неопределенно промычал Сергей.

– Ясно, нет базару, – кивнул чужак.

Он сделал пару шагов назад и достал цифровик и сфотографировал машину так, чтоб было видно номер. Затем, напрягши немногочисленные извилины, отдельно зафиксировал лицо Позднякова.

Чувство тревоги усилилось.

– Битый! – крикнул кто-то. – Давай, поехали!

«Бык» еще раз глянул на Сергея, будто запоминая его лицо, развернулся и молча пошел прочь.

– Да что здесь происходит? – тихо прошептал Поздняков.

Вслед за «Скорой» с места событий исчезли катафалк и эвакуаторщики, быстро погрузившие остатки автомобилей. Чужаки – оказалось, на нескольких «Мицубиши Паджеро» – двинулись с места последними, колонной.

Приехали две машины «СпецТранса». Сначала они засыпали место аварии песком и полили водой. Затем прошел трактор со щеткой, убрал мусор на обочину. Еще раз проехала «поливалка», окатила темное пятно на асфальте тугими струями воды. Иллюзия порядка была восстановлена.

Поздняков остался на месте аварии один. Он глянул на дневник, лежавший на сиденье, рядом с креслом водителя. Подумав, спрятал его в задний карман брюк. Включил «поворотник», медленно выехал на трассу и направился в сторону Москвы.

Апрель 2005 года,

за три с небольшим года до аварии.

МОСКВА, КАБИНЕТ ДЕПУТАТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РФ Д.А. КОЛОТИЛОВА

«...К середине 2005 года в Российской Федерации складывается ситуация, которая с медицинской точки зрения является катастрофой.

В самое ближайшее время – в течение нескольких лет – следует ожидать на территории РФ масштабных эпидемий болезней, которые ныне считаются редкими, необычными для России: малярии, холеры, оспы. Не исключено развитие других эпидемий, нетипичных для нашего региона: модификаций лихорадки Эбола, лихорадки Марбург, болезней на базе «коровьего бешенства» и «птичьего гриппа». Система здравоохранения в стране находится на таком низком уровне, что возможность качественно противостоять массовым заболеваниям исключается. В этих условиях любой носитель инфекций (будь то гражданин России или приезжий) останется один на один с мутировавшими вирусами, против которых не существует надежного лечения.

Факторы, которые приведут к таким последствиям, приведены ниже.

Российская Федерация относится к группе стран, которые традиционно *не уделяют* должного внимания проблемам здоровья и безопасности своих граждан. Государственный аппарат ориентирован на другие задачи, ни для кого не секрет: попадая в кризисную ситуацию в нашей стране, человек остается наедине со своей бедой. Невнимание к гражданам РФ начинается с самых незащищенных категорий: детей и матерей, а также пенсионеров. Нищенские выплаты, вынуждающие людей пенсионного возраста работать до последнего дня жизни; унижительные пособия при рождении ребенка; игнорирование проблем материнства – все это перекладывает заботы о семье на довольно узкий сегмент: работающих мужчин и, частично,

женщин. Нередко получается так, что, родив ребенка, мать через несколько месяцев вынуждена искать работу – жесткая налоговая система и отсутствие субсидий семьям, имеющим малолетних детей, приводят к тому, что один кормилец оказывается не в состоянии обеспечить и себя, и супругу с ребенком, и престарелых родителей.

Эта система формировалась в течение двух десятков лет, и настало время пожинать ее плоды. Население страны постоянно сокращается: молодые пары, образовавшие семьи, не в состоянии купить жилье по чудовищно завышенным ценам, не в состоянии родить и прокормить даже единственного ребенка.

К настоящему времени промышленность, бизнес оправились от кризиса 1998 года, явившегося причиной коллапса производства, краха ряда компаний и банков, закрытия предприятий и сокращения числа рабочих мест. Сейчас на фоне политической стабильности и непрерывного роста цен на нефть – основополагающего фактора при формировании бюджета РФ – отечественный бизнес активно развивается. Как следствие, ему постоянно необходим приток рабочей силы. Дефицит рабочих рук становится все заметнее, и единственный путь для владельцев промышленных предприятий – открыть двери гастарбайтерам из убыточных регионов, зачастую не имеющим жилья, прописки, права на работу.

В настоящее время наблюдается постоянный приток рабочей силы из стран, граничащих с Российской Федерацией. Украина, Беларусь, Молдова, Казахстан – никого не удивляет присутствие выходцев из этих государств на строительных площадках крупных городов России. На овощных рынках Москвы и Санкт-Петербурга, в коммерческих палатках, торгующих аналогичной продукцией, не осталось «белых» продавцов – этот бизнес полностью контролируется выходцами с Кавказа и из Средней Азии.

Что касается рынка продовольствия, то здесь последствия чудовищной «политики безразличия» со стороны государственного аппарата можно наблюдать каждое лето. В момент сезонного увеличения спроса на фрукты и овощи резко растет число госпитализированных граждан РФ с такими диагнозами, как дизентерия, желудочно-кишечные расстройства, дисбактериоз и проч. Между тем, именно работа желудка и кишечника закладывает основу иммунологического состояния человека. Иммунодефицит – неспособность организма сопротивляться внешним инфекциям – начинается с ослабления выработки полезных витаминов, антител, подавляющих болезни.

Итак, налицо первый фактор из числа тех, что делают эпидемии неизбежными и массовыми, – рост бизнеса и отсутствие собственных резервов рабочей силы, провоцирующие неконтролируемый приток иностранной рабочей силы в Российскую Федерацию.

Вместе с тем, следует отметить, что непрерывно увеличивается число иммигрантов из «дальних» стран: Китая, Вьетнама, ряда государств Черного континента. «Благодаря» присутствию выходцев из Азии и Африки, на территории России появляются инфекции, нетипичные для нашего региона. Медицинская система не готова к качественной и масштабной войне с ними.

Второй фактор, влияющий на эпидемиологическую обстановку в стране, – применение в современном сельском хозяйстве удобрений, опасных для здоровья человека, разрушающих его иммунную систему. Повсеместное неконтролируемое использование нитратов, сложносоставных удобрений и пестицидов для борьбы с вредителями – элементы фундамента, на котором строится успешный бизнес ряда компаний. В погоне за сиюминутной прибылью владельцы сельскохозяйственных угодий готовы использовать любые средства, позволяющие выиграть конкурентную борьбу.

Применение «химии» и препаратов, позволяющих увеличить урожаи, извлечь максимум прибыли с единицы посевной площади, – еще один шаг к разрушению естественной иммунной системы организма, ослаблению защитных способностей каждой особи и всей нации в целом.

В последнее время ситуация резко ухудшилась – за счет широкого использования генно-модифицированных продуктов...»

Дмитрий Александрович Колотилов вытер пот со лба, шумно выдохнул.

– Ну просто политическая агитка к свержению существующего строя! – пробормотал он. – В каждой строке – заламывание рук, истерика в голосе...

Депутат Государственной думы постучал ладонью по столешнице, развернулся вместе с вращающимся креслом в сторону окна. В задумчивости откинулся на спинку. Конечно, Вербинский на первых страницах доклада сгустил краски. Давил на читателя, пытался добиться нужного эффекта: внимания к тому, что описывается ниже.

Однако Дмитрий Александрович понимал: бо́льшая часть сказанного – не вымысел. И про непрерывный рост производства, и про неконтролируемый приток рабочей силы из других стран, и про «черных» гастарбайтеров на стройках и рынках. С этим пытались бороться, принимали законы – уж кто-кто, а Колотилов это отлично знал. В отличие от Вербинского. Да толку-то? Если в Молдове человек не может заработать деньги, он не будет лежать и подыхать с голоду. Женщины и дети остаются там, мужчины приезжают искать счастья в России. Здесь рабочие места... Вот только условий, в том числе санитарно-гигиенических, здесь для них нет...

Можно сколько угодно ловить *их*, сажать в поезда, выпроваживать за территорию страны. *Они* вернутся. Потому что хотят жить. Им надо есть самим и кормить детей...

А рынки? Знал бы Вербинский, сколько нелегалов ежедневно отлавливают по Москве, без вида на жительство и разрешения на работу. Одних отправляют восвояси, появляются другие. Отправляют других – возвращаются первые. Черт побери! Сказал бы кто-нибудь умный: что со всем этим делать?!

А так, если не принимать во внимание усилия госорганов, Вербинский прав. Кошмар. Кругом – иммигранты. И ладно бы, в принципе, нет ничего страшного в притоке иностранной рабочей силы. Так ведь не регистрируются, не встают на учет для комплексной проверки здоровья. Завозят в страну черт-те чего, вместе с дынями и арбузами. Да, и гепатит С, и холеру! И лихорадку Эбола завезут, только дай шанс...

В этой части Вербинский прав. Вопрос: приведет ли это к массовым эпидемиям? Ведь приток рабочей силы начался не сегодня... Правда, врач в докладе упирает и на другие факторы: учащающиеся случаи применения вредных удобрений, создание генно-модифицированных продуктов. И вот тут – черт его знает... Эти штуки действительно появились сравнительно недавно. Попробуй разберись: что произойдет вследствие этого через год-два?

Колотилов нервно придвинул к себе докладную записку Вербинского.

«...На днях Гринпис обнародовал результаты лабораторных исследований, свидетельствующие о том, что российские продукты питания являются одними из самых генетически загрязненных в Европе...

...По данным Института питания, в 1998 году случаи использования генных модификаций при производстве продуктов были единичными, однако в настоящее время на российском рынке наблюдается настоящая экспансия генетически модифицированных продуктов. Она объясняется тем, что за последние годы транснациональные корпорации потеряли рынки сбыта в европейских странах и Канаде...

...Согласно российскому законодательству, продукция, содержащая от 5 % генно-модифицированных компонентов, должна иметь соответствующую маркировку. Но, по мнению Гринпис, многие наши производители с законом не считаются. Одна из основных причин – отсутствие в России системы контроля за использованием генно-модифицированных ингредиентов в продуктах питания. В стране нет лабораторий, способных в необходимом объеме выполнять количественные оценки содержания ГМИ в пищевых продуктах; не существует

утвержденных методик для этого, отсутствуют средства осуществления постоянного мониторинга...

...По мнению российского отделения Гринпис, несмотря на то что еще в 1992 году РФ подписалась под «принципом предосторожности», она продолжает рисковать здоровьем собственных граждан...

...Аналитики Гринпис утверждают, что в результате потребления генетически модифицированных продуктов питания у человека могут развиваться аллергия, устойчивость бактерий микрофлоры к антибиотикам и другие отклонения, ведь в организм могут попадать накопленные ГМ-растением или животным пестициды. Однако, поскольку долгосрочные исследования безопасности подобных продуктов не проводились, нельзя определенно утверждать – вредны или безвредны для человека генетически модифицированные продукты...

...В 2000 году Гринпис США был опубликован список компаний, использующих ГМ-ингредиенты. В него попали шоколадные изделия компаний Hershey's, Cadbury (Fruit & Nut), Mars (M&M, Snickers, Twix, Milky Way), безалкогольные напитки от Coca-Cola (Coca-Cola, Sprite), PepsiCo (Pepsi, 7-Up), шоколадный напиток Nesquik компании Nestle, рис Uncle Bens (производитель – Mars), сухие завтраки Kellogg's, супы Campbell, соусы Knorr, чай Lipton, печенье Parmalat, приправы к салату Hellman's, детское питание от компаний Nestle и Abbot Labs (Similac)...¹»

Колотилов болезненно поморщился. Он прекрасно понимал, что с этими «монстрами» не только он, но и никто другой ничего сделать не сможет, даже если очень захочет. Депутат вытер лоб платком, отложил лист в сторону, принялся за следующий.

«...В ходе проведенного недавно исследования ученые получили данные, которые громко трубят об опасности потребления молока, полученного от генетически модифицированных коров.

После того как животным вводился гормон, именуемый рекомбинированным гормоном роста крупного рогатого скота, или rBGH, в вырабатываемом ими молоке повысилось содержание инсулиноподобного фактора роста IGF-I. При этом IGF-I несет ответственность за многочисленные биологические функции.

Так, например, считают ученые, генетически модифицированное молоко представляет опасность для процесса роста детей, что в свою очередь приводит к тяжелым и необратимым последствиям для организма.

Особенно это касается малышей, страдающих заболеваниями желудочно-кишечного тракта, болезнью Крона, аутизмом, циррозом печени и восприимчивостью к лекарственным препаратам определенных групп...²»

Депутат отложил в сторону еще один лист и тяжело вздохнул. Он решил не читать все подряд, а лишь бегло просмотреть. Тем более что о вреде ГМ-продуктов они уже беседовали с Вербинским.

«...В 136 огромных бассейнах, принадлежащих американской компании „Эй-Эф протеин“, безмятежно плавают примерно 20 тысяч лососей-гигантов, не подозревая о спорах, которые вокруг них ведутся. Рыбы, чей ген роста, как рассказывает менеджер компании Арнольд Саттерлин, был подвергнут воздействию, заметно выигрывают в конкуренции со своими „дикими“ родственниками. По размерам они превосходят естественных лососей в несколько раз, вес набирают в 4–6 раз быстрее, более устойчивы к болезням и быстрее размножаются...

¹ По статье Гринпис: «Россияне питаются генетически модифицированными продуктами», размещенной в Интернете по адресу: <http://www.ld.ru/catalog/rts/pcr/news20021224.html>

² По статье «Генетически модифицированное молоко: не рискуйте здоровьем детей!»; размещена в Интернете по адресу: <http://www.medlinks.ru/article.php?sid=1472>

На севере Великобритании, в Шотландии, руководители преуспевающей отрасли по выращиванию лососевых в штывки приняли американские эксперименты по поточному производству этих гигантов. «Нельзя не видеть пагубного воздействия гигантских рыб на своих естественных собратьев», – утверждает рыбоводчик Джули Эдгар от имени 6 500 британских рыбаков, которые ежегодно добывают 120 тысяч тонн лакомого лосося.

С ним согласны и американские исследователи из Пардуйского университета в штате Индиана Уильям Мюир и Ричард Хоуард, взглянувшие на проблему с совершенно неожиданной стороны. Оказалось, что дородные модифицированные рыбины привлекают в четыре раза больше самцов, чем выглядящие на их фоне замухрышками «естественные» сестры. В результате, счастливые ГМ-соперницы с такой же – вчетверо большей – скоростью распространяют (передают по наследству) измененные гены. Зато их потомство оказывается недостаточно стойким, что снижает шансы в борьбе за выживание. Похоже, под водой могут разыграться почти шекспировские драмы.

«Естественному лососю грозит серьезнейшая опасность», – утверждает Дуг Парр, ведущий научный консультант Гринпис. Объединенные в этой международной экологической организации эксперты утверждают: последствия биотехнологических экспериментов непредсказуемы и могут оказаться роковыми...³»

Отложив в сторону несколько листов с примерами, Колотилов взял в руки последние страницы, с выводами и предложениями.

«...Ученые пока не могут со стопроцентной уверенностью дать ответ на вопрос: безвредны ли генетически модифицированные продукты для человека? В июне 2000 года появилось первое подтверждение того, что пища из ГМ-продуктов может вызывать мутации живых организмов. Немецкий зоолог Ханс Хайнрих Каац на опытах доказал: измененный ген масленичного турнепса проникает в живущие в желудке пчелы бактерии, и те *начинают мутировать*. «Бактерии в организме человека также могут трансформироваться под воздействием продуктов, содержащих инородные гены, – считает ученый. – Трудно сказать, к чему это приведет. Может быть, к мутации...»

...Попытавшись вникнуть в ученые споры, скоро обнаружишь себя погребенным под грудой доводов «за» и «против». Бесспорным представляется лишь один вывод: в генных экспериментах необходима предельная осторожность. Разрешение на применение новых медицинских препаратов выдается только после тщательного многолетнего изучения их воздействия на животных и человека. Трансгенные же продукты свободно продаются во всем мире, хотя их начали производить всего несколько лет назад. А между тем, по-настоящему оценить их воздействие на человеческий организм можно будет только через полвека...

...За последнее время изначальный энтузиазм американских фермеров, на полях которых выращивались плоды генной инженерии, начал угасать. Под влиянием антигенной кампании фермеры без лишнего шума сокращают отводимые под ГМ-культуры площади. Согласно официальной статистике министерства сельского хозяйства США, весной 2000 года под генетически измененную кукурузу было выделено на двадцать четыре процента меньше площадей, нежели годом ранее. В восьми штатах, являющихся главными производителями сои, под ГМ-растения было отведено пятьдесят два процента всех площадей – на пять меньше, чем за год до того. Еще больший урон – семь процентов – понесли модифицированные культуры в пяти ведущих штатах по производству хлопка. Тот факт, что ГМ не боятся вредителей и сорняков, положения не изменил. Фермеры – народ прагматичный: обнаружив, что за свои модифици-

³ По статье «Еда Франкенштейна или благодеяние?»; размещена в Интернете по адресу: <http://www.cooking-book.ru/library/nauka/frankenfood.shtml>

рованные растения они стали выручать меньше, чем за традиционные культуры, труженики американских полей сделали соответствующие выводы...⁴»

Подборка материалов заканчивалась пометкой, которую сделал сам Вербинский:

«Отказались или значительно уменьшили площади под ГМ-культуры те страны, в которых раньше всего начали использовать подобные технологии. Кстати, в Америке оставались фермеры, которые принципиально не использовали трансгенные культуры. Однако последние пробы выявили наличие генных модификаций и в их товаре! Отсюда можно сделать вывод: *через естественное переопыление культуры смешались!* Ученые крайне обеспокоены тем фактом, что культур, созданных природой, остается мало или не остается вовсе».

Далее шла справка – в медицинских терминах, которые были недоступны разуму Дмитрия Колотилова – о влиянии ГМ-продуктов на иммунную систему человека. На вероятность масштабных эпидемий, в том числе вызванных мутировавшими вирусами. «Никто не знает в деталях, – писал Вербинский, – как будет вести себя вирусная инфекция в организме с ослабленной или видоизмененной вследствие регулярного употребления генно-модифицированной пищи микрофлорой».

Депутат Государственной думы почувствовал сильную головную боль. Пытаясь разобраться в проблеме, он слишком углубился в медицинские дебри. Увлечся... Дмитрий Александрович налил в стакан воды, бросил шипучую таблетку.

– Еще одно чудо медицины, – пробормотал он, глядя на пузырьки, тоненькой струйкой тянущиеся вверх.

Выпив лекарство, он наклонился вперед и щелкнул кнопкой переговорника.

– Гена! Зайди ко мне!

Помощник депутата возник на пороге почти мгновенно.

– Садись! – попросил Колотилев и развернул папку с документами так, чтоб консультанту было удобнее.

– Я читал, – бросив взгляд на доклад, быстро ответил Геннадий. – Все полностью, от начала до конца. И беседу вашу прослушал в записи.

– Отлично! – повеселел Дмитрий Александрович, чувствуя: головная боль потихоньку отступает. – Ну и как? Что думаешь? Это серьезно?

– Краски он стусил, конечно, – сказал помощник. – Хотел усилить эффект.

– Это понятно, – усмехнулся Колотилев. – Неумелые журналистские приемы и пафосный стиль документа не рассматриваем, только факты. Как считаешь, это – серьезно?

– Думаю, да, – ответил Геннадий. – Очень серьезно, Дмитрий Александрович. Он прав. Население сокращается, не поспоришь. Система здравоохранения на ладан дышит – тоже факт. С масштабными эпидемиями не справиться. Отравы всякой в поля понатолкали – нитраты, пестициды. Сколько уже говорится об этом? Владельцы сельскохозяйственных угодий никого не слушают. Взятку контролерам – а там... Такое можно в овощах обнаружить – волосы выпадут, даже если не жрать это счастье. А теперь еще генно-модифицированные продукты. Вербинский прав, американцы не хотят питаться этой гадостью, стараются в Европу спихнуть, но там тоже барьеры выставили. Остаются такие дураки, как мы. Вот и грузят... А что? Русские все сожрут, они выносливые... И жрем! Но тут традиционное лекарство «для дезинфекции» – водка – народу не поможет. Это генные модификации, Дмитрий Александрович. Боюсь, как бы Вербинский не оказался пророком. Не дай бог, мор начнется... Далее, еще факт. Иммигранты валят толпой, ничем не сдержать. Ладно бы только с Украины и Беларуси – там свои. А то с Востока везут всякую дрянь... Что ни лето – народ мрет от дизентерии и холеры. Дожили, Дмитрий Александрович, докатились до позора...

⁴ По статье «Еда Франкенштейна или благодеяние?»

– Итак, какой делаем вывод? – несколько раз хлопнув подошвой ботинка по полу, спросил Колотилов. – Дадим ему денег на исследования? Много просит. Опасно. Протратит – солидную дыру пробьет.

– Я думаю, надо поступить хитрее, – мгновенно отозвался консультант. – Зачем давать свои деньги? Надо продовать из казны! Так вернее будет... Бюджетные, на научные исследования. Откроем лабораторию, все официально.

– А тема? – почесал затылок Колотилов. – Чтоб из бюджета взять, надо солидное основание.

Дмитрий Александрович оживился. Идея не вкладывать ни копейки из собственных средств ему понравилась. Вот только как сие оформить, чтоб не подкопались?

– И тема есть! – Было видно, что Геннадий уже все продумал. – Надо заявить что-то расплывчатое и беспроигрышное! Ну... что-то вроде: «Лаборатория по изучению влияния генномодифицированных продуктов на здоровье россиян». А?! На иммунную систему, наследственность. Как, толково? Если не очень складно звучит, то Вербинский напишет на бумажке, как правильно. Как нужно, чтоб ни одна собака не подкопалась. А в остальном, по сути... Тема – модная! У всех на слуху. Сыграть на этом можно, ежели что. Еще и очки заработать! Так? Мы за здоровье нации! Солидно! А проверить расход средств крайне трудно. Вот и пусть Вербинский делает вытяжку, изобретает свою чудо-сыворотку. Что нам, десятка цыган или африканцев жалко?

– Не жалко, – с довольной улыбкой согласился Колотилов. – И двух, и трех десятков не жалко. И турок, и китайцев. Пусть хоть всю кровь из них выкачает, если надо. Слишком много всякого разного дерьма в Москве... Но это т-с-с-с, между нами.

– Правильно, Дмитрий Александрович! А вдруг у Вербинского получится? Это же золотое руно! Дорога во власть, на самый верх. Такой разработкой непременно заинтересуются в правительстве, да и в аппарате президента. Да что там... арабские шейхи встанут в очередь, потрясая миллиардными кошельками, лишь бы только получить сыворотку. А мы аукцион устроим: кто больше даст!

– Ох и замечтался же ты, Гена! – оборвал помощника Колотилов. – Еще ничего нет. Ни договоренности с Вербинским, ни бюджетных средств, ни лаборатории. А уж о готовом продукте думать и вовсе рано. Сам знаешь, как ученые работают... Годы могут пройти. И вот еще, кстати...

Колотилов тяжело поднялся с места, вылез из-за стола. Прошел к окну, оперся широкими ладонями о белый пластик подоконника, слегка нахмурился.

– Нельзя с этого Вербинского глаз спускать. Ибо, если только он сделает то, что хочет, может дать деру. Он не дурак, сам понимает: это – абсолютная власть. Лаборатория должна быть не в Москве. Где-то в пригороде, но неподалеку, чтоб Вербинский постоянно был на виду, под контролем. И потом, тут надо все хорошо обдумать. Необходима солидная система безопасности, надежная, преданная охрана.

– Яресу можно поручить, – задумчиво предложил Геннадий. – Он у нас в этом деле профессионал.

– Яресу? – Колотилов выпрямился. – Отличная идея! Отличная. Лучше не придумаешь...

«В прошлой жизни меня звали Владленом Завацким. Там, до зоны, я был главным инженером строительного треста. Кликуха „Инженер“ прилипла сразу, едва только попал с пересылки в исправительное учреждение ОД1/СТ2. Тогда я не сразу понял, что так красиво именуется Владимирский централ.

«Ну, вешайся, Инженер», – сказал Чирик в первый день... Били страшно, не знаю, как выжил. Только потом, позже, узнал: под обломками рухнувшего дома остался его родной брат,

вместе с семьей. С женой и маленьким сыном. Вроде кто-то погиб и у Куцего. Мне не повезло – пострадало не так много людей, но среди них оказались нечужие этим двоим зэкам... В первый раз били вдвоем, но это было только начало...

Там, до зоны, когда я еще был Владленом Завацким, мы строили дома в Москве. Большие, многоэтажные. Один из них рухнул в конце зимы 2008 года. На счастье, в него не все успели заселиться, а то жертв было бы значительно больше. Дело вышло громкое, тем более перед выборами. Страна жаждала крови виновных, и госаппарат – тоже. Как водится, «стрелочников» отыскивали быстро. По слухам, не нашли только главного бухгалтера. Кажется, успел смотреть раньше, чем до него добрались. Генеральный и коммерческий директора сели, как и я.

«Вешайся, Инженер!» – сказал Чирик. Вспоминать, что было потом, – не хочется. Первые дни не мог спать от боли, кажется, на теле не осталось ни одной живой точки. Горело все. Чтобы перевернуться с боку на бок и не закричать, требовалось невероятное, невозможное усилие. Впрочем, я почти не ворочался, лежал пластом на холодном полу. Никого не заботило, что я умираю. Никто не подложил под голову хотя бы тряпку, не смочил губы водой. Сам не знаю, как уцелел, почему выжил.

Мы строили хорошие дома и даже могли бы ими гордиться. Да. Пока не появились проблемы с финансированием новых площадок. Виноват ли я в том, что произошло? Глупость... Мы с удивительным упрямством – зажмурил глаза, заткнув уши и неустанно повторяя: «Ничего не вижу! Ничего не слышу!» – движемся к краю пропасти, надеясь на какое-то невероятное чудо. Но в последнее время в России стало плохо с чудесами...

К кризису на рынке недвижимости Россия шла несколько лет. Стоит только вспомнить, что началось в стране после 1998 года. Сразу после дефолта здорово сократилось число рабочих мест, владельцы фирм убрали с дверей таблички «Приглашаем на работу...». Резко вырос доллар, стала воистину деревянной наша «деревянная» валюта.

Потом, спустя два-три года, шок от девальвации стал проходить. Несмотря на чудовищные последствия обрушения рынка госбумаг, обесценивание рубля сыграло и положительную роль для экономики. Сказалось это и на рынке недвижимости. Он стал активно развиваться именно после кризиса 1998 года, когда люди, наигравшиеся в фантики-акции и государственные долговые бумажки, в очередной раз потерявшие деньги в банках, решили инвестировать сбережения во что-то более надежное – видимое, материальное, твердое.

Так на рынок недвижимости пришли первые инвесторы, решившие сыграть на покупке квартир. Поначалу их было не очень много, но мы, строители, мигом почувствовали: ситуация меняется. Вот тут, наверное, и крылась чудовищная ошибка, которая привела к таким жутким последствиям. Цены на жилье сдвинулись с фиксированной отметки, поползли вверх.

И вслед за теми, кто действительно нуждался в квартирах, и теми, кто, обжегшись на ГКО и акциях, перевел долгосрочные активы на рынок недвижимости, – следом за ними повалили венчурные игроки. В наших терминах, «венчурные» – рискованные. От английского слова «venture» – «рисковая ставка», «опасное начинание, предприятие», «спекуляция». На рынке появился избыток средств, и цены моментально отреагировали на это. Конечно же, движением вверх.

Мы – компании, формировавшие «среду» (маркетмейкеры), – все отлично видели, понимали природу «свежих» денег, но стремление урвать побольше и побыстрее подавило разум. Цены росли каждый месяц, и теперь ни один из игроков не мог, не имел права остановиться – едва только он фиксировал, замораживал цены, как тут же оказывался под чудовищным прессом коллег.

А на рынок уже вышли частные инвесторы, несколько лет искавшие, куда можно пристроить сравнительно небольшие свободные капиталы. Люди обнаружили новую игрушку. Наши соотечественники удивительны по своей природе. Глядя на все, что происходило, я иногда

думаю, что крах «МММ» или падение рынка ГКО – это не кара для России. Это неизбежная составляющая национальной идеи.

В чем заключается наша национальная идея? В том, чтобы сидеть на печи, грея задницу, а все исполнялось по шучьему велению. Так и жили... Обжегшись в 1998 году на акциях, обесценившихся в десять раз, частные инвесторы принялись вздуть мыльный пузырь цен на недвижимость. За несколько лет стоимость квадратного метра выросла с пятисот долларов до трех тысяч. Зато те, кто успел занять место в основании пирамиды, заработали очень неплохо. А что еще надо Емеле, который мечтает сидеть на печи?

Потом рынок начал выдыхаться. В какой-то момент цены на недвижимость даже нам стали казаться запредельными. Страшное дело: дом в Испании, на берегу моря, стоит дешевле, чем квартира в Москве...

Но выход был найден быстро. У людей не осталось наличных денег, чтоб продолжать загонять рынок на новые невообразимые высоты? Не страшно! На помощь поспешили банки. Надо воспользоваться «передовым» опытом Америки! Посадить всех на долгосрочные кредиты!

И вот уже те, кто хотел купить квартиру в собственность – не для игры, не для перепродажи – *для себя*, оказались перед фактом, что сделать это не могут никакими силами. Если платить здесь и сейчас. Единственный путь – подписаться на кредиты, которые потребуются отдавать пятнадцать-двадцать лет.

И вот тут, по своей всегдашней привычке, мы стали *играть на воздух*. На то, чего не существовало в природе. На деньги, которые еще никто не заработал. На дома, которые никто не построил. Как ни странно, до поры до времени все были довольны. Тресты и ДСК получили возможность выкупать новые «пятна» для застройки и гнать, гнать. Банки – удачно, под хорошие проценты, пристроили наличность, посадив на иглу кредитов граждан, мечтавших о квартирах. Покупатели влезли в чудовищную многолетнюю кабалу, зато получили возможность вселяться в новые, только что возведенные многоэтажки.

До поры до времени все были довольны. Система работала. Радовались даже покупатели, оставшиеся крайними в этом механизме, не думавшие о том, проживут ли двадцать лет? И, главное, как проживут – в стране, в которой все слишком часто меняется. Люди были довольны и, закрыв глаза, играли в смертельно опасную игру, пока не приблизились президентские выборы.

Вдруг – как обычно, совершенно неожиданно для всех – выяснилось: в момент возникновения политических рисков, некой нестабильности, «несознательные» граждане страны, измученные многочисленными дефолтами и кидками, предпочли сесть на кубышку. Проще говоря, вывели деньги из всех рискованных начинаний, часть из них обратив в доллары, часть – в евро. Венчурный капитал пополз с рынка...

Конечно, не все отличались подобной предусмотрительностью. Многие – особенно те, кто сел на иглу кредитов, – вынуждены были играть по ранее установленным правилам. Тем не менее приток наличных средств на рынок недвижимости резко сократился. Одновременно с этим частные инвесторы начали изымать средства из коммерческих банков, выводить из прочих финансовых активов. Тех же акций, например. Присел фондовый рынок. Вырос доллар. Поползли вверх ставки межбанковских кредитов. Ухудшилась ликвидность банков, и те засуетились в поисках «живых» денег.

И тут вдруг все – разом – прозрели. Оказалось: людям давно уже дураят голову. Оказалось: цены на недвижимость баснословно завышены. Оказалось: жилье столько не должно стоить, и лишь безудержная игра на повышение, поддерживаемая всеми участниками рынка, задрала цену квадратного метра на заоблачные высоты.

Частные инвесторы, державшие квартиры для последующей выгодной продажи, после нового витка дрогнули, сломались. Понимая, что в условиях выросших политических рисков

они могут не только не заработать, но и потерять то, что вложили, нервные игроки наполнили рынок предложениями о продаже. Да еще банки подсобили, начав с помощью судебных приставов выбрасывать на улицу должников – тех, кто не мог своевременно погашать платежи по кредиту на жилье.

Залповый выброс предложений оказался шоком для игроков. Хорошо еще, рынок худо-бедно поддерживался теми, кто действительно нуждался в жилплощади. На мой взгляд, лишь по этой причине не произошло такого схлопывания, как на рынке бумажек «МММ»...

И вот в такой-то обстановке рухнул наш дом. Плохо ли мы строили? Не сказал бы! Да, когда приток средств на рынок уменьшился, сверху спустили негласную команду: экономить на всем, сократить издержки любой ценой. Любой ценой. Вот и сократили... Классных специалистов заменили низкооплачиваемыми гастарбайтерами...

Смеси другие стали применять – чуть дешевле... Технологии упростили. В зоне нестабильных грунтов, пльвунов надо было перестраховываться, не просто усиливать фундамент, а семь... нет, пятнадцать раз проверять, чтоб все было надежно, не сместилось, не поплыло.

Не проверили. Все гнали: быстрее. Понадеялись, что обойдется. Ведь до тех пор держало... Черт его знает, почему не выдержало в этот раз. Может, слишком высокое обводнение грунтов, недосчитали? А может, метро? По слухам, на ветке, что проходила под землей, неподалеку, были свои проблемы. Ремонт путей, повышенные вибрации при прохождении поездами участка. Может, это сказалось? Метростроевцы не признались... Так или иначе, одна стена поползла. Многоэтажка сложилась, будто карточный домик. Очевидцы говорят: рухнула быстрее чем за минуту. Наверное, жильцы просто не успели понять, что происходит... Я на это надеюсь.

Виноват ли я? Нет! Трижды нет! Виновата система! Государство, которое прессовало налогами и левыми поборами и при этом стыдливо закрывало глаза на проблемы рынка. И игроки, которые – словно безумные – вздували цены, провоцируя чудовищную гонку.

Если кто-то думает, что я снимаю с себя ответственность, то это неправда. Я до сих пор закрываю глаза и вижу тех, кто остался под руинами. Никогда не смогу забыть трансляции Первого канала и РТР с места событий, едва начали разбирать завалы...

Я не снимаю с себя ответственности, но вина совсем не в том, в чем ее видели Чирик и Куцый. Они считали: сразу убивать меня не стоит. Они хотели, чтобы я долго мучился, искупая грехи. Сказали: забьют насмерть, но позже. Много позже.

Поэтому, когда меня вызвал в дежурку человек по имени Ярес и предложил стать добровольцем в какой-то медицинской программе в научной лаборатории, я согласился без колебаний. Почти без колебаний. Спросил только: не будут ли вырезать органы для донорских операций? И смотрел, внимательно смотрел в глаза! Думал: если соврет – замечу. Обязательно замечу. А он только расхохотался. Сказал: нет! И я поверил, согласился. Ярес не соврал, действительно не соврал. Просто тогда я не ведал, что будет хуже. Много хуже...»

– А ведь я его знаю! – вдруг пробормотал Сергей Поздняков, убирая книжечку от глаз.

Он припомнил телерепортажи о трагедии. Да! Тогда, несколько месяцев назад, Инженер выглядел по-другому. Камеры выхватывали его – крупным планом. Показывали жертв трагедии, а потом главного инженера стройтреста. И Завацкий не пытался спрятать лицо за ладонями. В его глазах жили растерянность и боль. Чужая боль... Только от этого ненависть россиян к виновному в трагедии не становилась меньше...

Апрель 2005 года. Москва,

КАБИНЕТ ДЕПУТАТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Д.А. КОЛОТИЛОВА

– Ну что ж, дорогой Олег Борисович, – положив тяжелую ладонь на папку с документами, сказал хозяин кабинета. – За прошедшие дни мы все внимательно проверили... изучили...

Вербинский нервно схватился руками за дужки, натянул очки плотнее, вглядываясь в лицо собеседника.

– Меня заинтересовала ваша идея, – изрек Колотиллов. – Да! Это весьма любопытная идея.

– Ну, слава богу! – с облегчением выдохнул врач, вскочил с места, схватил депутата за руку и принялся радостно трясти. – Дмитрий Александрович!!! Честное слово, я очень рад! Значит, не ошибся в вас. Пришел к тому человеку, который...

– Погодите, Олег Борисович, – остановил его Колотиллов, отдергивая ладонь. – Я еще не закончил свою мысль. Вы правильно поняли главную идею: я профинансирую исследования. Но есть ряд условий, на которые вам надо обязательно согласиться. В противном случае никакой совместной работы не будет.

– Да что вы, Дмитрий Александрович! – Вербинский снял позолоченные очки, вытащил носовой платок, трясущимися руками протер стекла. – Что вы, дорогой мой человек! Конечно, я соглашусь на любые разумные условия! Вы не представляете, как я рад, что вы сразу не сказали «нет»! Мне пришлось вынести столько насмешек, можно сказать, гонений...

– Лаборатория будет за пределами Москвы, – не терпящим возражений тоном перебил его Колотиллов. Депутат посчитал, что настало время проинформировать делового партнера обо всех неприятных особенностях проекта. – За пределами Москвы, но недалеко. В области, но так, чтоб до города можно было добраться довольно быстро. В Москве не получится. И безопасность трудно обеспечить, и все под контролем не удержишь...

– Согласен! Согласен! – замахал руками врач.

– Сами понимаете, что может получиться, если кто-то проболтается о настоящих целях научной лаборатории, – продолжал гнуть свою линию Колотиллов. – Журналистам только дай шанс: все разносят, порвут виновных на кусочки. Меня – в первую очередь, потому что представитель власти. А поплясать на бездыханной тушке депутата – это святая обязанность каждого бездарного бумагомарателя.

– Понимаю, – Вербинский вежливо улыбнулся шутке.

– Значит, лабораторию выносим за пределы Москвы. Она будет находиться в военном городке, за двумя рядами колючей проволоки. Раньше там базировалась радарная группа контроля-обнаружения, то есть прикрытия столицы. Потом военные переехали глубже в область, поселок остался. Пока он разрушен, но это не страшно. Восстановим быстро.

– Восстановим! Конечно, восстановим! – Глаза у Вербинского горели, как у мальчишки.

– Далее, – Колотиллов надул щеки, шумно выпустил воздух. – Далее так! Весь научный и медицинский персонал лаборатории проживает на территории базы «Ноев ковчег». Выходы за пределы «колючки» запрещены. Все обитают там безвылазно, до тех пор, пока не будет получен результат! Или пока вы, Олег Борисович, не доложите, что проект потерпел фиаско. Понимаете? Если необходимо, ваши сотрудники будут сидеть на базе и месяц, и год. Столько, сколько потребуется. Я не могу допустить, чтоб сведения о «Ноеве ковчеге» стали известны широкой общественности.

– Да... – Вербинский замялся, вдруг осознав, что ситуация становится сложнее, чем ему представлялось изначально.

– Это еще не все, – продолжил Колотилов твердо. – На территории базы «Ноев ковчег» запрещены мобильники. Не будет Интернета. Телефонные переговоры – только из центрального узла, под контролем службы безопасности.

– Но выход в Интернет необходим для мониторинга новых достижений! – сделал попытку возразить Олег Борисович. – Понимаете, без этого никак! Надо пристально следить за всем, что происходит в мире. Медицина – быстроразвивающаяся наука, кто отстанет на год – может отстать навсегда!

– Ничего страшного, – вступил в диалог Геннадий, помощник депутата, наблюдавший за беседой. – Современные средства управления доступом в Сеть позволяют формировать списки разрешенных и запрещенных к посещению сайтов, контролировать входящую и исходящую почту.

– Хорошо, это не проблема, – чуть подумав, Колотилов хлопнул ладонью по столу. – Сделаем доступ в Интернет, Олег Борисович! Надо будет добавить в службу безопасности толкового специалиста по сетям. Пометь в «склерознике», Гена! Составим список разрешенных сайтов, правила общения на форумах. Тем более что выход в Сеть нужен не всем, а лишь ведущим специалистам. Короче, не вопрос!

Помощник депутата тут же записал в блокнот эту мысль. Повисла пауза.

– Суровые ограничения, – наконец грустно промолвил Вербинский. – Мне бы хороших профессионалов завербовать. А тут... Даже не знаю, кто пойдет при таких ограничениях.

– Ищите! Работайте! – отрезал Колотилов. – Деньги вы просите немалые. Мы их выделяем, но нам нужно сохранить режим секретности. Кстати, если бы вы работали на правительство – было бы куда хуже, там ограничения гораздо жестче. Вплоть до того, что человек на всю жизнь становится невыездным. Вместо Турции, Мальты и Кипра отдыхают в Сочи. Или на шести сотках.

– И потом, – вновь вставил слово Геннадий. – Можно пообещать сотрудникам надбавку за особые условия работы. Каждый вправе выбирать, какой дорогой идти. Один откажется и будет работать в больнице, например. За смешные копейки. Другой захочет срубить бабла на аккордных работах, чтоб потом хватило на что-то серьезное. Ездят же люди на Север, на заработки, вахтовым методом. Ограничения там суровые. Здесь – примерно то же самое.

– Да... – Колотилов вытер платком лоб. – Необходимо предусмотреть, чтобы народ не сошел с ума. Пометь, Гена! Маленький жилой городок восстановим, к нему – бассейн, теннисные корты, баскетбольную и футбольную площадки. Все решаемо. А вы, Олег Борисович, подумайте о том, чтоб мужики на колючую проволоку не бросались. Наймите несколько женщин, только незамужних. Медсестры, ассистентки, поварахи, уборщицы, прочий обслуживающий персонал. Кто там потребуется? Чтоб народ за территорию базы не рвался, находил, так сказать, развлечение – прямо на месте, не отходя от кассы.

Колотилов растянул губы в улыбке, закудахтал. Вербинский оскалился вслед за боссом, понимающе кивнул.

Но депутат вдруг посерьезнел, внимательно посмотрел на врача, будто сонный питон на добычу.

– Ну и, конечно, охрану секретного объекта доверим профессионалам, – веско сказал он. – Вы, Олег Борисович, сосредоточьтесь на научной части проекта «Ноев ковчег». Решение всяких рутинных вопросов поручим дружественной структуре. Есть тут у нас хорошие люди, часто выручают... Консультируют по разным проблемам, так сказать... В общем, это не ваша забота.

Колотилов умолчал о том, что охранные структуры Яреса находились под его личным контролем. Фактически Ярес был правой рукой депутата. Или левой, если правой считать аналитика-консультанта Геннадия.

– Согласны на такие условия? – спросил Колотилов. – Думаю, выбора у вас нет, Олег Борисович. Поймите, я не давлю, не угрожаю, но другие или поставят вам аналогичные условия – секретность, полный контроль над процессом, – или не захотят вас слушать. Ну, так что скажете, Олег Борисович?

– Согласен! – твердо ответил Вербинский. – Благодарю вас, Дмитрий Александрович! Давайте считать, что с этого дня проект «Ноев ковчег» начинает свое существование. Когда будет восстановлена база военных и мы сможем открыть лабораторию? Мне не терпится приступить к опытам, – казалось, жесткие условия, выставленные депутатом, только разожгли пыл Вербинского.

– Погодите, погодите, голубчик! – улыбнулся депутат, доставая из ящика стола бутылку коньяка. – Надо обмыть это дело. Наш договор, в смысле. Нет, по чуть-чуть! Никаких бумаг мы подписывать не будем, сами понимаете, а сделку скрепить надо.

– Что ж, я не против, – улыбнулся врач.

Выпив, Колотилов и Вербинский стали чувствовать себя союзниками, а не противниками.

– Работы начинаем сегодня же! – решил Колотилов. – Дам команду Яресу, чтоб приступил к восстановлению базы. А вы, Олег Борисович, старайтесь потихоньку присматривать нужный персонал. Но не сообщайте деталей о сути исследований, до тех пор, пока человек не скажет твердое «да» – по зарплате, по ограничениям на передвижения. Короче, сначала договор, и лишь затем – когда человек уже на базе – подробная информация о целях исследований. Решите сами, как это правильнее организовать. Вы научный руководитель направления – вам и карты в руки.

Вербинский радостно улыбнулся и расправил плечи. Его идея обретала жизнь.

16 июня 2008 года, утро,

МОСКВА

На автоматической мойке Сергею Позднякову удалось немного привести себя в порядок. В туалетной комнате он отмыл лицо и руки от грязи и крови, пригладил волосы. Глянул на себя в зеркало, поморщился. Все равно, вид был отвратительный, и непонятно – почему. Рубашку можно поменять, не проблема. Что-то изменилось во взгляде. Неуловимо изменилось. Лицо в зеркале стало чужим.

Несильно хлопнув ладонью по стеклу, Сергей вышел на улицу. В ожидании, пока ему вернут машину, уселся на кусок трубы, изображавший отбойник.

– У меня друган в бизнес-центре работает, – взмахнул рукой человек в форме охранника, обращаясь то ли к Сергею, то ли к трубе. – Да! В службе безопасности. Это в самом центре Москвы...

Затолкнув «Мерседес» Позднякова в мойку – под струи и щетки, – два техника, обслуживавшие автомат, вышли покурить. Охранник живо повернулся к ним.

– Ну и вот, значит, дворик там узкий, – продолжал он, радуясь новым слушателям. – Сами знаете, как с этим в центре города. Две машины с трудом разъезжаются. В конце, естественно, тупик. По негласной договоренности, личный транспорт оставляют за воротами бизнес-центра, на улице. Внутри заезжают только директора да автомобили, которые гостей подвозят. Ну, переговоры там, то-се.

Значит, привез гостя – быстренько сгружай его и проваливай за ворота, чтоб толкотни не создавать. Не дай бог кто-то застрянет подольше или вообще бросит тачку – все, конец света. Тогда никто не въедет, не выедет. Ну, руководство бизнес-центра, конечно, постоянно охрану дрессирует: следить, чтоб проход был свободен! Всех предупреждать; своих водителей пинать, чтоб клювом не щелкали; пришлых выгонять за ворота.

Пару дней назад задумали новый асфальт во дворе положить. Ну, чтоб, значит, красивее было. Все-таки серьезные конторы, а двор – хреновый, покрытие растрескалось, местами какие-то впадины образовались. Небольшие, но все равно – не уровень.

Короче, по такому случаю разогнали из двора всех, подчистую. Ворота не закрыли – ждали грузовики с асфальтом, каток строителей, все такое... И вдруг – ни с того ни с сего – залетает на пустую стоянку вишневый «мерс». Да разворачивается так, что поперек «кишки», мимо – никто уже не пролезет. В первый момент все челюсти пооткинули. Вроде предупредили народ, что работы будут вестись, парковаться не следует. Объявления развесили, директоров и секретарш местных контор в известность поставили.

А из «мерса» – надо сказать, весьма приличного, нового – с понтами вылезает длинно-волосая блондинка. Вроде не местная. Друган мой смекнул: значит, к кому-то приехала, не в курсах, что ремонт планируется. Ну, раз так – другой базар. Нехорошо, конечно, машину поперек дороги ставить – не дело это, но еще не повод, чтоб человеку гадость устраивать.

Подвалил он к этой блонди вежливо так. Говорит, мол, хорошая моя, не надо здесь парковаться. Будут проблемы, потому что строители вот-вот ремонт покрытия начнут. Мешаете вы, и все такое. А девчонка молодая – ногами длинная, да умом не вышла – возьми и пальцы раскинь. Давай, говорит, чувачок, двигай отсюда, пока мой бойфренд тебе мозги не вправил. Короче, невежливо так, по-хамски. Послала и направилась внутрь, в здание. Положила на все...

Друган мой, мол, ну и хрен с тобой. Не хочешь слушать – твои проблемы...

В общем, когда эта мадама дела закончила и наружу вышла, то увидела весьма любопытную картину. Ее вишневый «мерс» стоял на том же самом месте, да вот перед ним... Приехавшие строители высыпали в «кишку», ближе к воротам, самосвал щебня. Охрана им не препятствовала, сами понимаете. Ну, работяги высыпали щебень – здоровенную кучу – и ушли асфальтоукладчик с трейлера сгружать.

Что тут было! Друган говорит, в офисах не осталось равнодушных к происходящему. Блонди визжала и ругалась так, что все из окон повылазили: смотреть, что дальше будет.

Но девчонка не промах оказалась. Враз сообразила: неспроста работяги так поступили. Еще круче пальцы растопырила, вызвала охрану, чуть ли не по стойке «смирно» всех построила, вместе с начальником службы безопасности. И визжит, топает ногами. Сапоги на каблучках. Лето, а она в сапогах. О как!

Орет, значит. Конец вам, чуваки! Попали вы все, по-крупному! Сейчас бойфренду позвоню, все расскажу ему! Всех нагнут! Пожалеете тогда, что на свет родились! Звоню, говорит!

И достает телефон. Как водится, зрители в партере замерли в ожидании развязки. А блонди, дозвонившись до бойфренда, в красках, со слезой в голосе поведала, как зверски ее кинули. Все рассказала и телефон в режим громкой связи переключила. Мол, слушайте, дебилы, что сейчас будет.

А оттуда... Оттуда, из трубки, сначала тяжелый вздох послышался, а потом парень ее устало-обреченным голосом говорит: «Стой там и жди! Сейчас я тебе лопату привезу!»

Техники мойки заржали, один даже выронил недокурную сигарету, схватился за глаза, вытирая слезы. А Сергей Поздняков смотрел на людей и не смеялся. Он не мог – никак не мог – почувствовать себя частью обычного мира, полного бытовых неурядиц и мелких драм. Авария на Петербургском шоссе изменила его жизнь. Что это было? Страх заразиться чем-то опасным или что-то иное?.. Сергей силился, но не мог понять.

Стало грустно, невыносимо грустно. Поздняков смотрел на гоготающих людей и не слышал их смеха. Похоже, охранник уже рассказывал другую байку, но теперь у него словно бы выключили звук. Поздняков видел движущиеся губы парня, видел улыбающиеся лица слушателей, но при этом будто находился в другом измерении.

В его организме что-то произошло. Что-то странное, непонятное. Если бы Сергея спросили, что у него болит, что ему не нравится, – он не смог бы ответить. Сам не знал. Просто все стало другим, и он это чувствовал.

Поздняков достал из кармана мобильник. Отыскал нужное имя.

– Аленка! – сказал он в трубку, пытаясь казаться веселым. – Привет, милая! Как ты? Как у нас дела?

Выслушал ответ.

– Я тоже скучаю, радость моя. Очень. Нет, пока не приеду. У меня проблема. С утра возвращался в город, от Сашки. Попал в аварию, такие дела... Что? Цел. Нет, с машиной все в порядке. Да нет! Не переживай, я... я в норме. Ничего не сломано, все цело, на месте. Просто две машины, что передо мной – всмятку. Три трупа. Одного водилу из кабины выпиливали, у меня на глазах. Да ладно тебе, Алька! Говорю же, все в порядке! Честное слово! Клянусь, ни царапины... Нет, пока не приеду. И ко мне приезжать не надо. Потом, позже. Хорошо? Не переживай. Скажи Гошке, пусть сам командует сегодня. Ну все. Все! Ну, целую!

Он спрятал трубку в карман, посмотрел на индикаторы-светофоры. Там по-прежнему горели красные огни, машина все еще находилась в работе. Сергей попросил отмыть ее тщательно, сделать не экспресс, а полный комплекс. Все так же улыбались техники, слушая охранника. Все так же размахивал руками парень, выливая на головы спутников бесполезный словесный поток. Обычная жизнь. Мелкие драмы. Бытовые неурядицы. Смех сквозь слезы.

Сергей достал из заднего кармана потертую записную книжечку, пролистнул те страницы, которые успел прочесть раньше.

«...Говорят, несколько лет назад здесь была военная база. Радиолокаторы из кольца ближней защиты Москвы. Или как там все это называется? Я не специалист в радиотехнике или ПВО, не ведаю, как описать...»

Похоже, не врут. Действительно, очень похоже на военный городок. Одноэтажные домики. Наверное, раньше были казармы... Вся территория базы разделена на две части. Одна, большая, для нас, подопытных кроликов. Это шутка такая. Ярес прикололся, выпуская меня в «загон». Вторая часть – поменьше. Удивительно, там все то же самое – домики-казармы, примерно такая же баскетбольная площадка. А еще – теннисные корты. И два футбольных поля. У них – большое, у нас – маленькое. А в остальном половины лагеря здорово похожи друг на друга.

Хотя есть одно отличие – большие белые купола. Не знаю, что это такое. Очень напоминает половинку обычного футбольного мячика, которую положили на землю... Еще когда подъехали к воротам, что делят лагерь на две части, спросил у Яреса про эти белые полусферы. Тот криво усмехнулся. Говорит, раньше под ними стояли секретные военные радары. Они следили за пространством вокруг столицы, защищали от чужих самолетов и ракет.

Я, конечно, не утерпел, поинтересовался: что под куполами ныне? Понятно же, что теперь никаких радиолокаторов тут нет. Начальник службы безопасности (теперь я знаю, что Ярес – начальник службы безопасности) опять ухмыльнулся и сказал, что мне лучше пока не знать, что под куполами... До чего отвратительным иногда становится лицо Яреса...»

Сергей вдруг вспомнил качков с неприятными рожами, которые рыскали на месте аварии, будто стервятники. Вспомнил амбала, что сфотографировал его, Позднякова. И забрызганный чужой кровью «Мерседес». Внутри заныло (уже в который раз за день!) от неприятного предчувствия.

Поздняков будто снова увидел момент, за несколько секунд до аварии. Серый «Лексус» резво катит на гору. Навстречу ему, из-за гребня, вылетает черная «Волга» с помятым бампером и разбитыми фарами.

С разбитыми фарами. Машина, на которой сломя голову несся куда-то Владлен Завацкий, была повреждена до столкновения с «Лексусом». Почему он, Поздняков, неглупый человек, только сейчас вспомнил, подумал об этом?! Нет сомнений, черная «Волга» что-то таранила. До того, как – на беду – повстречала «Лексус». Откуда же вырвался Владлен Завацкий, бывший главный инженер строительного треста, получивший на зоне кликуху «Инженер» и затем оказавшийся на странной базе?

Вне всякого сомнения, здесь какая-то тайна. Какая-то нехорошая тайна, к которой он, Сергей Поздняков, случайно прикоснулся. Слава богу, те амбалы не знают, куда пропала записная книжка Завацкого. А то... не ровен час... и от СПИДа не довелось бы умереть. Контрольный выстрел в голову – и даже анализы крови делать не надо. Просто незачем...

«...В общем-то, нормальный городок. У каждого из нас – своя комната. Не очень большая, но жаловаться – грех. После камеры и лагерного барака – просто глупость жаловаться. Особенно после общения с Чириком и Куцым. Здесь гораздо спокойнее. Завтрак, обед и ужин – по распорядку. Однако никто не заставляет мочиться по команде и ложиться спать по команде.

Я могу довольно свободно перемещаться по отведенной «кроликам» территории, играть в футбол, баскетбол или шахматы. Читать книги. Сидеть на крылечке и смотреть в небо. Если не обращать внимания на ряды колючей проволоки – можно поверить, что все хорошо.

Да! Кстати! Забыл сказать. Вся территория нашей базы обнесена двумя рядами колючей проволоки. Я спрашивал у коллег по «загону» (нам ведь не запрещено общаться друг с другом), говорят, система защиты периметра – многоуровневая. В смысле, на трехметровом заборе – колючая проволока, а в ней пропущены какие-то электрические провода. Не очень понял. По слухам, если человек оказывается на маленьком расстоянии от этих штуквин – электромагнитным импульсом сводит мышцы.

Вокруг базы два бетонных забора, а вокруг нашего «загона» еще три защитных периметра. И три разделителя от той части базы, где обитают сотрудники лаборатории.

Пока я здесь новичок, и потому со мной разговаривают неохотно. Боятся, что ли? Опасаются, что я подсадная утка? Не знаю. Подробности не делятся. Сказали, что там – во второй части лагеря – ученые и медики. А больше ничего выведать не удалось.

Да! Вот еще... Здесь не зона, но по имени никто не называет. Как прилипла в ГУИН кликуха «Инженер», так и здесь ее используют. Даже не пойму: как она переползла из лагерного барака сюда, на базу? Через Яреса, что ли?

Ну, Инженер так Инженер. Пусть будет. Главное – кормят хорошо, обращаются вежливо, не запирают на территории в несколько квадратных метров. Другое дело, что так и не смог разобраться в вопросе: зачем я им нужен? Для чего Ярес вытащил меня из лагеря? Для чего за забором, в нашем «загоне», сидят другие «подопытные кролики»?

Хотел узнать у товарищей, но никто не объяснил. Наверное, пока не доверяют. Один мужик – высокий, черноволосый – усмехнулся. Сказал: чуть позже все узнаешь. Не волнуйся, говорит, получишь исчерпывающую информацию. А пока живи спокойно...

Такие дела...»

– Ненавижу «русский шансон!» – недовольно проворчала Анна Михайловна. – Опять ты перестроил приемник, Витька! Стоило только отвернуться...

– Да ладно вам, Анна Михайловна! – оскалил зубы водитель, подмигнул докторше. – Классная песня, между нами говоря!

– Для гопников и эков! – отрезала женщина.

Настроение у нее было отвратительным. Дежурство началось с неприятной аварии на Петербургской трассе. И хотя машина прибыла на место вовремя, спасти пострадавших не удалось. Двое умерли сразу после столкновения, третий еще жил, когда у него брали анализ крови. Но в «Скорой» не было необходимого оборудования, требовался аппарат для искусственной вентиляции легких. А «Реанимация» слишком долго продиралась через пробку...

Докторша не разговаривала об этом с напарником, хотя думали с Борисом об одном и том же. Не могли не думать. Витьке же все было по барабану.

– Да я... Вот черт! – водитель «Скорой помощи» резко тормознул, дернув руль вправо.

Джип, обгонявший машину с красными крестами на бортах, неожиданно вильнул, чуть было не спровоцировав аварию. Анна Михайловна ойкнула, схватилась за ручку на дверце.

– Ну че ты делаешь, придурок! – высунувшись в боковое окошко, завопил Витька.

И замер без движения. Окоченел. Примерз к сиденью. Время остановилось.

«Тук... Тук... Тук...» – постучались секунды. «Тук! Тук! Тук!» – постучались пули в дверцу машины с красными крестами. Будто интересовались: можно ли войти? Но ответа не дождались.

Из троих людей, находившихся в «Скорой», успела закричать только Анна Михайловна. Она была дальше всех от убийцы, и первые заряды приняли на себя Виктор с Борисом. Когда мужчины завалились вперед, на «торпеду», и Анна Михайловна перестала кричать. Острые жала добрались и до ее тела, порвали бледно-синий балахон и белый докторский халат, пере-красив все в другой цвет.

Битый расстрелял в упор, с нескольких метров, полный рожок «АКМ». «Скорая» дернулась, будто раненый зверь, улетела с трассы. Нырнула в канаву, тяжело заваливаясь на бок.

– Давай! – приказал подручный Яреса.

Водитель «Мицубиши Паджеро» чуть притормозил, чтоб было удобнее целиться. Второй ликвидатор, сидевший на заднем сиденье, у открытого окна, выстрелил трижды. Его пистолет был заряжен зажигательными патронами.

– Давай! Пошел! – дико завопил Битый, когда над изуродованной машиной взлетел оранжевый гриб. – Ходу! Ходу!

Джип резко дернулся, набирая «сотку». Клубы дыма и языки пламени все-таки дотянулись до «Мицубиши Паджеро», бессильно лизнули заднее стекло. Растаяли вдали.

Битый открыл дверь – на ходу вышвырнул автомат. Подальше, в кусты. Хлопнул створкой. Вытер пот со лба, жадно выхлебал бутылку пива, шумно выдохнул.

– Порядок, что ли? – спросил он второго киллера, сидевшего на заднем сиденье.

– Типа того, – лаконично отозвался напарник, выбрасывая пистолет в окно, на обочину.

Главарь вытащил мобильник из кармана, набрал номер Яреса.

– Все путем, – сказал он, когда шеф службы безопасности взял трубку. – Мы возвращаемся на базу. Что? Да, понял! Отбой!

Битый спрятал «трубу» в карман. Харкнул в окно.

– Шеф говорит, кипеж уже начинается. Планы «Перехват», «Мертвое кольцо», все такое. От стволов мы вовремя избавились.

Откуда-то спереди донесся вой милицейской сирены. Водитель тут же нырнул в правый ряд, спрятался за фуры. Мимо – с блеском «мигалок» и ревом – промчалось сразу несколько машин дорожно-постовой службы.

– Торопятся... – глянув в зеркало заднего обзора, лаконично заметил водитель.

– Пусть торопятся, – зевнул Битый, – у них работа такая.

Джип свернул с широкого асфальтового полотна на грунтовку, медленно, неторопливо потащился в сторону проселка, выведившего к базе «Ноев ковчег»...

...Капитан сдвинул фуражку на затылок. В сердцах, от души, выматерился. Пожарные заканчивали тушить «Скорую». Пламени уже не было, лишь кое-где из салона выползали

струйки едкого дыма. Никаких шансов найти документы, улики. Черный, покореженный остов да дыры в борту – там, где пули «калаша» разорвали тонкий металл.

Очевидцы трагедии в один голос утверждали, что огонь вели из джипа, прямо на ходу. «Мицубиши Паджеро» нагнал «Скорую», и бандиты безжалостно расстреляли машину с красными крестами. Номеров, как водится, никто не успел заметить. Немногочисленных свидетелей пробил столбняк от наглости киллеров.

– Нет, реальные отморозки! – выругался капитан. – Ну где такое видано? Я еще могу понять, когда расстреливают бизнесменов. Или бандитов... Но чтоб... так... среди бела дня, на глазах у всех... «Скорую»... Господи, этих-то за что?!

Пальцы, лежавшие на руле, стали бесплотными. Теперь они напоминали сгустки энергии, конденсированные, но все время изменявшие форму. Даже закрывая глаза, Сергей не оказывался в темноте – под веками металась разноцветные пятна. То размытые, с плавными переходами одного тона в другой, то четкие, с резкими контурами.

В какой-то момент стало невероятно трудно управлять машиной – Сергей уже не мог усилием воли отогнать от себя нелепые, бредовые картины. Поздняков испугался не на шутку. Он не понимал, что происходит, что случилось с его телом. Заразился? Но то, что чувствовал, совсем не походило на симптомы ВИЧ-инфекции, о которых лишь недавно толковала врачиха...

Как там ее? Анна Михайловна, кажется. Суровая... Посмотрела – и тут же забыла про него. Словно и нет такого человека... Разве это правильно? Разве он не имеет права на другое к себе отношение? Нечестно. Надо будет сказать при встрече...

– При какой встрече? – пробормотал Сергей, устав от борьбы с самим собой. – Какой встрече, идиот? Ты никогда в жизни ее не увидишь.

Он и не догадывался, насколько был прав. Поздняков не включал радио и потому не слышал новость, которую обсуждали на всех каналах: в ближайшем Подмосковье расстреляна машина «Скорой помощи», возвращавшаяся в город после выезда к месту тяжелой аварии на трассе Е95.

– Господи, да что же это такое? – Сергей потряс головой.

Разноцветные переливающиеся пятна разлетелись по сторонам, будто мухи после резкого движения рукой. «Напиться, что ли? – подумал Сергей. – По принципу: ляг, поспи, и все пройдет...»

С неба вдруг пролился дождь. Странный дождь. Из темно-вишневых облаков вниз падали маленькие молнии. Нелепые молнии, каждая из которых свернулась в клубочек, будто живая. Они падали на лицо, на руки, и Поздняков чувствовал удивительные капли – любая из них колола, раздражала кожу.

Он хотел поднять руки, спрятаться от загадочного ливня, но вдруг понял, что это бесполезно. Дождь из молний пройдет насквозь, точно так же, как проходит сквозь рубашку. Ведь он, Сергей, чувствует уколы молний не только руками и лицом – искорки бьют по плечам, по спине. Так, словно на нем нет никакой одежды.

Сергей притормозил у обочины, потер глаза пальцами. Глянул по сторонам – прочие машины ехали по трассе, будто ничего особенного и не происходило. Люди на тротуарах шли без зонтов и курток, мужчины – в футболках и рубашках, женщины – в легких блузках и топиках. Неужели, он сходит с ума? Совершенно точно: никто из москвичей не видит и не чувствует странного дождя. Лишь он один...

От уколов молний больно не было. Просто казалось, невидимый мастер Чжень Цзю втыкает острия в какие-то точки, ведомые одним специалистом по иглотерапии. Больно не было, скорее приятно. Молнии дождя входили в тело, сливались друг с другом, превращаясь в потоки

воды. Нет... Как же энергия может превратиться в поток воды? Выходит, это потоки чего-то другого?

Реки, бегущие вниз. От головы – через все тело – вниз. Получается завершенная, гармоничная система, от неба до земли. В которой он – Сергей Поздняков – что-то вроде связующего элемента. Нет! Замыкающего цепь между небом и землей.

– Господи, какой бред! – пробормотал директор турфирмы, вновь мотая головой и отфыркиваясь.

По лицу текла электрическая влага, попадая в рот и нос.

Сергей резким усилием воли на миг сбросил пелену дурмана, посмотрел по сторонам. Он находился на Ленинградском проспекте. Как до сих пор ни в кого не врезался? Удивительно... Поток был довольно плотным, кругом двигались машины, но тело словно работало само, независимо от разума. От разума, который изменился. Трансформировался во что-то непривычное, пугающее. Стал другим...

Поздняков нажал на педаль газа, трогаясь и выворачивая на боковую улочку. Он вдруг понял, что не может остаться один. Даже если купить водки и вылакать целый пузырь – все равно страшно. Нет, не страшно. Неправильное слово. Не тот элемент паззла. Просто хочется побыть среди людей. Да! Ему нужно к людям, к своим. К Аленке... Просто увидеть ее. Обнять. Может, вытащить из офиса, поехать с ней домой. Сидеть за столом, на кухне, и смотреть, как она хлопчет, собирая поесть. Не важно, что она приготовит. Главное – чтоб все, как у людей. Просто и понятно. Дом. Красивая женщина. Еда. Секс. Приятная расслабленность.

Только не молнии, которые входят в тело, распрямляются. Кажется, что-то такое читал в ранней молодости. Нет. Не сам читал. В детстве рассказывали. На Севере так охотятся на белых медведей... Правильно? На белых медведей? Черт... Что с головой? Да... Свертывают китовый ус в колечко, замораживают... Черт! Китовый ус? Откуда на Севере киты? Совсем не разобраться, где истина, где вымысел. Не отличить, не понять... О чем это? Ах, да! Замораживают китовый ус. Или моржовый? Не важно! Свернутый в трубочку. Какую трубочку? В кольцо! И смазывают мясом, жиром, чтоб вкусно пахло. Потом зверь, унюхав еду, проглатывает страшную «мину». В желудке комочек льда тает, ус распрямляется. Протыкает желудок медведю. Вот и получается, охотнику ничего делать не надо. Зверь сам подохнет, в жутких мучениях.

Что за охотник бросает в него, Позднякова, маленькие молнии, свернутые в колечки, в спирали? Зачем эти сгустки энергии входят в тело, через кожу? Зачем распрямляются, причиняя боль?

Сергей громко закричал, и на какое-то время это его отрезвило. Он глянул на светофор, вжал педаль газа в пол. Покрышки взвизгнули, машина проскочила перекресток. Поздняков вновь вывернул на главную магистраль.

Аленка! Еду к тебе! Знаю, ты вылечишь, лучше любого доктора. Врачам нет дела до нас, до наших проблем. А ты... тебе не безразлично. Помоги, Аленка. Я приду к тебе, скоро. Приду и скажу: не знаю, что со мной. Не понимаю. Сделай что-нибудь! Помоги...

Поздняков несся по проспекту, в сторону офиса. Он ухитрился проскочить два перекрестка, прежде чем увидел на дороге, впереди, огромную пробку. Сергей застонал от горя, свернул на обочину. Остановился, бессильно уронил голову на руль. Пробка... Середина дня... Сколько там на часах? Двенадцать? Все проспекты и улицы забиты машинами, не объехать. Черт! Как же прорваться к офису?!

В этот момент все прошло – разом, за секунду. Бесследно исчезли вишневые облака, словно их никогда и не было. Над головой вновь оказалось голубое небо, и Сергей тут же почувствовал палящие лучи солнца. Оно давило на плечи, обжигало, напоминало: лето. Жаркое, необычно жаркое лето. И никакого дождя. Ни в виде молний, ни привычного – земного, холодного...

Сергей вытер пот со лба. Убирая носовой платок в задний карман, пальцами натолкнулся на записную книжку Завацкого. Да, теперь Поздняков знал имя человека, который умер на трассе Е95. Владлен Завацкий, бывший главный инженер строительного треста.

От кого же пытался ускользнуть человек по кличке Инженер, на черной «Волге» с разбитыми фарами и покореженным бампером? Нет, тут не просто какая-то местечковая тайна. Тут что-то серьезное... Люди-«быки» не случайно появились на месте аварии.

Глянув на неподвижно стоявшие впереди машины – скорее всего, сотрудники ДПС еще не смогли устранить причину пробки, – Сергей открыл записную книжечку. Пролистнув странички, нашел место, до которого дочитал раньше. Бегло просмотрел несколько листиков – его не заинтересовали подробности о жилище Завацкого в секретной базе-лаборатории, о соседях Инженера, об отсутствии в лагере женщин...

«... Не помню, кто говорил мне, что белые купола, под которыми ранее были установлены военные радары, – это карантинные блоки? Забыл, что за умник пугал в самом начале, в первые дни пребывания здесь. Наврали с три короба: мол, там содержат безнадежно больных, даже умирающих людей. Тех, кому привили страшные вирусы, от которых в организме человека нет защиты...

Сегодня утром впервые покинул «загон». Меня забрали на территорию основного лагеря. Точнее, лаборатории. Теперь я стопроцентно знаю, что это действительно научная лаборатория. Ярес не солгал. Сегодня меня водили под один из белых куполов. Было немного не по себе – отвык от того, что за спиной вооруженные охранники. Чем-то это напомнило зону. А я, хоть и живу за колючей проволокой, отвык от стражей с автоматами. Да еще вели туда, где – по слухам – обитают «кролики», зараженные смертельно опасными болезнями...

Под белым куполом не оказалось никакого карантинного блока. Я чуть не засмеялся от радости. Сволочи, вот врал-то! Там всего лишь медицинский центр. Не знаю, очень мало смыслом в научном оборудовании, мне показалось: центр оборудован по последнему слову техники. Например, мне делали исследование на магнитно-резонансном томографе! Удивительно! *Это* – прямо под белым куполом! Слышал от кого-то из друзей, что на всю Москву – лишь несколько магнитно-резонансных томографов. Это весьма дорогая штукавина, для работы на таком аппарате нужны врачи очень высокой квалификации, проходившие тренинги в медцентрах Европы.

А у нас такая машина стоит под куполом. Там, где раньше военные прятали радары! Черт! Черт! Зачем же *они* скрывают богатство тут? Сотни тысяч долларов, кажется. Или даже миллионы? Могли бы открыть консультационный центр, уверен: выстроился бы хвост желающих поправить здоровье...

А еще меня тестировали методом биорезонансного сканирования. Про такое ранее не знал, потому и заинтересовался. Спросил у врачей – интересно было узнать подробности. Удивительно, не послали на три буквы, мы даже разговорились.

Оказалось, человек, который изучал меня, – самый главный тут, по медицинской части. Доктор Вербинский. Олег Борисович. Я не понял и половины того, что он попытался объяснить. Попробую записать сюда, пока не забыл начисто. Он говорил что-то про энергетические меридианы, которые пролегают по поверхности тела человека, между биологически активными точками. Это я запомнил. Он так и сказал, слово в слово. И еще – объяснял про старинное китайское учение об этих самых меридианах. Мол, на базе древних знаний и основан метод вегетативно-резонансного теста.

Тут я опять многое упустил... Тест основан на спектральном анализе электромагнитных колебаний, испускаемых живыми клетками. Да, так! Вербинский говорил: если организм работает нормально – так, как и должен, – эти колебания имеют совершенно определенные частотные характеристики. Если же человек болен, наблюдаются какие-то патологии – волно-

вые характеристики искажаются. Тут он выражался, как «технар», и слова мне были знакомы. Но...

Когда Вербинский все это объяснил – легче ничуть не стало. Я все равно не понял, как работает прибор. Олег Борисович расхохотался, сказал, что я первый такой пациент. Остальные либо молчат, сжав зубы, либо интересуются: не вырежут у них сейчас почку или печень? Видимо, именно потому, что я не похож на прочих, врач охотно разговаривал со мной, объяснял, что собирается делать.

Как я понял, суть метода простая. Ученые создали огромную базу частотных характеристик всяких микроорганизмов, вирусов, паразитов. И разных патологических состояний человека. Дальше врачи поступают просто: направляют какой-то электромагнитный луч на пациента. Он несет в себе закодированную информацию, о вирусах, о болезнях. То есть луч как бы содержит «портрет» болезни. Энергетический. Потом «кадр» меняют, дают следующий «портрет». За ним – следующий. И так много-много раз.

Если в теле человека есть аналогичный «энергетический портрет» – то есть человек страдает именно таким заболеванием – возникает резонанс. Условно говоря, встречаются две одинаковые волны.

Это мне близко и понятно. Тут я Вербинского хорошо понял. Если встречаются две волны с одинаковой фазой и амплитудой – как раз и возникает резонанс! Очень опасная штука. Достаточно вспомнить, что весьма прочный, крепкий мост, выдерживающий пятнадцатитонный тягач, может быть разрушен ротой марширующих солдат. Если бойцы идут в ногу, с такой частотой, что она совпадает с частотой внутренних колебаний самой железобетонной конструкции. Потому, кстати, и запрещено ходить в ногу по мостам.

В общем, если организм не в порядке, при облучении тела человека аналогичным энергетическим пучком возникает резонанс. На экранах приборов сразу видно: данный «фотопортрет» болезни вызвал отклик. И все. Легко и просто. Становится понятно: человек нездоров. Сразу можно ставить диагноз, без вскрытия внутренних органов. Вербинский сказал: достоверность подобного теста, по мнению специалистов, достаточно высока, чтоб с вниманием отнестись к вердикту машины...

У меня нашли какие-то нарушения в кишечнике. Посторонние бактерии, которых не должно быть. Сильно удивился диагнозу – объяснил Вербинскому, что никакого недомогания или болей в желудке не чувствую. В ответ услышал смех. Потом узнал много нового.

Оказывается, полость кишечника – идеальное место для размножения микроорганизмов, и у обычного взрослого человека масса кишечных бактерий составляет полтора килограмма. Узнав об этом, почувствовал себя неуютно, даже начало поташнивать. Оказывается, постоянно таскаю полтора килограмма маленьких «друзей», которые размножаются во мне.

Вербинский – хоть и видел, что я готов вспомнить о давно съеденном завтраке, – поведал: в кишечнике обитают от четырехсот до пятисот видов бактерий, но не все из них враги. «Друзья» расщепляют пищу путем ферментации, в результате образуется масса полезных для организма веществ. А «враги» разлагают пищу с помощью гниения, тут и образуются различные токсины, которые отравляют организм. Оказывается, многие негативные состояния возникают из-за этого – и мрачное настроение, и упадок работоспособности, и головные боли, и угри на коже. Все, что хочешь.

Задумался над результатами исследований Вербинского. Наверное, понахватал всякого дерьма на зоне, там с этим просто. Спросил Олега Борисовича: будут ли меня лечить, восстанавливать нормальную микрофлору кишечника? Ответ меня потряс. Вербинский сказал: нет. И его «нет» прозвучало так буднично и обыденно, словно врач не видел в ответе ничего страшного. Но, кажется, из-за того, что мы мило побеседовали чуть ранее, Олег Борисович добавил странную фразу, которая теперь не выходит из головы. Он сказал: в этом нет необходимости, так даже интереснее проверять работу катализатора...

Едва только вернулся в «загон», в свою комнату, решил записать мысли на бумагу. Пока не забыл. Все-все, что смог восстановить по памяти. Несколько раз перечитал, потом сидел у окна, думал. Много позднее вспомнил, что рассказывали про белые купола. Мол, карантинные бараки...

А может, не врал? Что, если правда? Под самым здоровым куполом – научная медицинская лаборатория, а под другими – экспериментальные «клетки»... С теми, кто болен. Сказал же Вербинский, что лечить не будет, зато введет какой-то катализатор. А если препарат не подействует? Значит, дорога – под белый купол? Так, что ли?

Стало не по себе. Неуютно, тревожно. Надо будет в другой раз, если Вербинский вызовет к себе, попробовать его разговорить. Попытаться понять: правильно ли я угадал смысл исследований, которые выполняет лаборатория? Может, потому и стоит оборудование под куполами – скрытое, невидимое постороннему глазу, – что владельцы бывшего военного городка не хотят афишировать суть проекта?»

Тяжелые металлические ворота дрогнули, сдвинулись, пропуская на территорию базы «Ноев ковчег» черный шестисотый «Мерседес» с государственным флагом Российской Федерации на лобовом стекле – знаком принадлежности к тем, кто над страной и народом.

Машина Дмитрия Александровича Колотилова, не останавливаясь у второго поста, миновала еще одни ворота – решетчатые, обтянутые колючкой. «Мерседес», выбравшись из контрольной зоны, дернулся, словно водитель в спешке перепутал педали. Но на территории военного городка разогнаться было негде. Тем более в целях конспирации дороги не улучшали – так и оставили с ямами и колдобинами. Только возле одноэтажного здания – офиса службы безопасности – чуть выровняли покрытие.

Машина депутата Колотилова свернула туда, вновь дернулась – стало понятно, что ее хозяину не терпится побыстрее добраться до цели путешествия. «Мерседес» остановился прямо перед входом, и охранник, дежуривший на ступеньках, бросился вперед, торопясь открыть дверцу.

Но Дмитрий Александрович проявил резвость, которую трудно было ожидать от человека его комплекции.

– Где Ярес? – он не дал охраннику вымолвить ни слова.

– В своем кабинете, – тут же отозвался тот, указывая рукой на вход.

Колотиллов захлопнул дверцу и, тяжело и торопливо ступая, направился по дорожке в сторону офиса. Охранник обогнал его и открыл дверь в здание, пропуская хозяина лаборатории внутрь. Как только створка захлопнулась, он тут же взял рацию и доложил начальнику охраны о прибытии высокого гостя. Но Колотиллов вновь проявил невиданную резвость и возник на пороге кабинета начальника охраны сразу же вслед за сообщением службы безопасности о собственном прибытии.

– Вы с ума сошли! – вместо приветствия набросился на него депутат. Он добрался до кресла, плюхнулся в него и тут же достал носовой платок – вытереть пот со лба. – Ярес!!! Твои люди сошли с ума! Средь белого дня! Нагло и цинично расстрелять «Скорую»! На трассе Москва – Питер! Ты представляешь, что сейчас начнется?! В стране только-только сформировалась новая вертикаль власти, только закончились потрясения, связанные с выборами!

Эта акция – красная тряпка для быка! Для нового, свежего «быка», только-только появившегося на арене! Ты понимаешь?! Я уверен – дело поставят на контроль Генпрокуратуры, им займутся важняки! И, знаешь, не удивлюсь, если к расследованию подключат ФСБ! Ярес!!! Назови причину, по которой следовало вешать нам на хвост стаю бешеных охотничьих псов! Ты действовал, не проконсультировавшись со мной! И теперь я хочу услышать: какого черта?!

– Другого пути не было, Дмитрий Александрович, – спокойно отозвался начальник службы безопасности. – Я и сам понимаю, что действовали жестко.

– Жестко – не то слово, – отрезал Колотилов. – Жестко – это когда киллер в подъезде замочил. Тихо, ночью. А тут – днем, на виду у всех. Из «калашей»... Давай, Ярес, не томи! Рассказывай подробности! Видишь: из-за этой истории я даже бросил дела, примчался сюда.

Следующие десять минут Дмитрий Александрович Колотилов сильно потел, качал головой и выпускал воздух через щелочку губ. Начальник службы безопасности – кратко, без особых подробностей – описал побег Владлена Завацкого. Пояснил, что Инженер ухитрился прорваться на трассу Е95 и даже на какое-то время сбил погоню со следа, повернув не к Москве, а в противоположную сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.